МЫСЛИ

О ВОСПИТАНІИ ВЪ ДУХѢ ПРАВОСЛАВІЯ

И

НАРОДНОСТИ.

П. Д. Шестакова.

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЪ.

1-е Изданіе одобрено Учен. Комит. Мин. Народн. Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а равно учительскихъ институтовъ, семинарій и городскихъ училищъ, а также одобрено и **Учен. Комит. при Святѣйшемъ Синодѣ.**

КАЗАНЬ.

Изданіе книжнаго магазина А. А. Дубровина.

1897.

2007110007

Дозволено цензурою. Г. Казань, 16 января 1897 года.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1897 г.

«Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности» первоначально были напечатаны въ журналѣ Вѣра и Разумъ за 1891 годъ и тогда же обратили на себя вниманіе многихъ, стоявшихъ близко къ дѣлу общественнаго воспитанія и образованія лицъ. Въ письмахъ къ вдовѣ ихъ покойнаго автора Аннѣ Яковлевнѣ Шестаковой, теперь также покойной, нѣкоторыя изъ этихъ лицъ выражали желаніе видѣть Мысли въ особомъ изданіи. Въ 1893 «Мысли о воспитаніи» были изданы и весьма сочувственно встрѣчены какъ обществомъ, такъ и печатью, особенно духовною. Къ концу 1896 года понадобилось уже второе изданіе, которое напечатано теперь безъ всякихъ измѣненій. Желая сдѣлать сочиненіе православнаго русскаго педагога болѣе доступнымъ для учителей и воспитателей, издатели нашли возможнымъ цѣну книжки понизить съ 50 на 35 копеекъ.

А. Р.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вмѣсто предисловія къ „Мыслямъ о воспитаніи“ . . 1—VI.

I. Передъ рожденіемъ ребенка . . . . . 1.

II. Рожденіе ребенка . . . . . 9.

III. Первыя впечатлѣнія, представленія и мысли ребенка. 20.

IV. Дѣтскіе годы . . . . . 32.

V. Дѣтская подражательность . . . . . , 46.

VI. Наказанія, награды, похвалы, порицанія, ласки . 56.

VII. Домашнее ученіе ребенка . . . . . 68.

VIII. Отношеніе дома къ школѣ . . . . . 78.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

КЪ

„МЫСЛЯМЪ О ВОСПИТАНІИ ВЪ ДУХѢ ПРАВОСЛАВІЯ И НАРОДНОСТИ".

„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности" принадлежатъ перу бывшаго попечителя Казанскаго учебнаго округа Петра Дмитріевича Шестакова, скончавшагося 24 ноября 1889 года.

Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ былъ сынъ священника, родился 27 іюня 1826 года въ селѣ Алферьевскомъ, Масальскаго уѣзда, Калужской губерніи. Петру Дмитріевичу было всего восемь мѣсяцевъ, когда скончался его отецъ, оставивъ семью, состоявшую изъ матери съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Къ счастію, на помощь осиротѣвшей семьѣ явился служившій въ тверской казенной палатѣ дядя Петра Дмитріевича, родной братъ матери, А. Я. Смирновъ. Онъ взялъ семью къ себѣ въ домъ и далъ дѣтямъ воспитаніе. Первоначальное образованіе П. Д. получилъ въ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ въ тверской гимназіи, по окончаніи курса въ которой съ серебряною медалью, поступилъ, по экзамену, на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, на которомъ въ 1846 г. и окончилъ курсъ, съ ученою степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ.

Послѣ окончанія курса въ университетѣ П. Д., всего двадцати лѣтъ отъ роду, былъ назначенъ старшимъ учителемъ въ Смоленскую гимназію, откуда, по истеченіи года, былъ пе-

реведенъ учителемъ въ тверскую, а затѣмъ въ 1849 г. въ четвертую Московскую гимназію. Въ 1852 г. онъ былъ назначенъ уже инспекторомъ Смоленской гимназіи, а въ 1855 г. сдѣлался директоромъ послѣдней. Въ 1860 году П. Д. былъ перемѣщенъ и. д. инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета, а въ 1861 г. занялъ должность инспектора казенныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа, въ которой оставался до 1863 года. 17 апрѣля этого года онъ былъ Высочайше опредѣленъ помощникомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, а 5 февраля 1865 года Именнымъ Высочайшимъ указомъ Всемилостивѣйше назначенъ былъ попечителемъ этого округа. Въ послѣдней должности онъ состоялъ до 1883 г. 18 іюня этого года П. Д. согласно прошенію былъ Всемилостивѣйше уволенъ отъ должности попечителя округа, которую онъ несъ безсмѣнно въ теченіи восемнадцати лѣтъ.

Не вдаваясь въ оцѣнку весьма продолжительной и плодотворной учено-литературной и педагогическо-служебной дѣятельности, которая, по общему голосу, была „высоко-мудрою и истинно блестящею“ [1]), мы скажемъ нѣсколько словъ о религіозно-нравственныхъ убѣжденіяхъ Петра Дмитріевича По своимъ воззрѣніямъ П. Д. былъ глубоко-убѣжденный православный христіанинъ. Получивъ первоначальное религіозно-нравственное воспитаніе подъ руководствомъ замѣчательно набожныхъ матери и бабушки, П. Д. до конца своей жизни оставался непреклонно-вѣрнымъ сыномъ Православной церкви. Стоя въ послѣдніе годы въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ нему, мы лично были свидѣтелемъ его примѣрной христіанской жизни. Библія была для него настольною книгою въ полномъ смыслѣ этого слова. Чтеніемъ ея онъ начиналъ и кончалъ день. Въ ней онъ находилъ утѣшеніе и во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Не получивши спеціальнаго богослов-

---

[1])Наиболѣе подробная характеристика будетъ сдѣлана нами въ особомъ «Очеркѣ жизни и педагогической дѣятельности П. Д. Шестакова».

скаго образованія въ школѣ, онъ пріобрѣлъ его путемъ чтенія лучшихъ богословскихъ сочиненій и журналовъ. Богословская и церковно-историческая литература интересовала его нисколько не меньше, чѣмъ литература свѣтская. Въ числѣ его многочисленныхъ, могущихъ составить нѣсколько обширныхъ томовъ сочиненій [1]), есть цѣлый рядъ статей и ученыхъ работъ церковно-историческаго характера, которыя, по отзывамъ компетентныхъ въ исторіи лицъ, имѣютъ высокую цѣну по своимъ научнымъ достоинствамъ.

Помимо трудовъ литературныхъ, П. Д. Шестаковъ служилъ Православной Церкви и другимъ путемъ. Въ 1867 году въ Казани, при каѳедральномъ соборѣ, было открыто православное церковное Братство во имя Святителя Гурія. П. Д. Шестаковъ былъ однимъ изъ главныхъ учредителей и организаторовъ этого Братства и однимъ изъ первыхъ его предсѣдателей. Время предсѣдательства П. Д. было самое оживленное и многоплодное. „Своими истинно-христіанскими ревностными трудами П. Д. принесъ огромную пользу Братству и въ матеріальномъ и въ религіозно-нравственномъ отношеніи“ [2]).

Заслуги Петра Дмитріевича, какъ предсѣдателя Братства Святителя Гурія, прекрасно раскрыты въ адресѣ, который Совѣтъ Братства поднесъ ему по случаю отказа его отъ званія предсѣдателя. „Адресъ этотъ, по справедливому замѣчанію автора *Обзора дѣятельности Братства Св. Гурія за двадцать пять лѣтъ его существованія* [3])., любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ вѣрно и рельефно рисуетъ заслуги П. Д. Шестакова для Братства. Заслуги, какія приписываются Петру

---

[1]) Послѣ смерти Петра Дмитріевича осталось нѣсколько статей совершенно приготовленныхъ къ печати, и кромѣ того, его Автобіографія и Дневникъ почти въ 600 листовъ, который онъ велъ въ теченіе 20 лѣтъ.

[2]) Изъ рѣчи Высокопреосвященнаго Павла, архіеп. Казанскаго, произнесенной на общемъ собраніи Братства Святителя Гурія, 3 декабря 1889 г.

[3]) *Обзоръ* составленъ профессоромъ казанской духовной академіи М. А. Машановымъ.

Дмитріевичу, не плодъ риторики, которая весьма часто въ адресахъ играетъ главную роль, но дѣйствительно принадлежатъ ему". Дѣятельность Петра Дмитріевича изображается въ адресѣ подробно. Для нашей цѣли достаточно указать въ настоящей замѣткѣ наиболѣе характерныя черты этой дѣятельности. „Въ продолженіе почти двухъ съ половиною лѣтъ, нося званіе предсѣдателя Совѣта,—говорится въ адресѣ,—Вы, не смотря на свои многочисленныя занятія по управленію учебнымъ округомъ, были образцово-исполнительнымъ дѣятелемъ въ Совѣтѣ. Вашей иниціативѣ принадлежитъ открытіе при Совѣтѣ особыхъ комитетовъ: для снабженія бѣдныхъ церквей утварью, по дѣламъ раскола, по разсмотрѣнію и приготовленію къ печати переводовъ христіанскихъ книгъ на инородческіе языки. Въ Васъ всегда находило самое живое сочувствіе и поддержку открытіе и развитіе инородческихъ школъ. Вы старались ихъ обезпечить и своими пожертвованіями отъ самыхъ праведныхъ трудовъ—трудовъ научныхъ—и ходатайствомъ предъ Высшею Властію о предоставленіи правъ учителямъ этихъ школъ. Вашему участію главнымъ образомъ Совѣтъ приписываетъ успѣхъ своего инородческаго образовательнаго дѣла, въ такой степени, что Царственныя Особы обратили на него милостивое вниманіе, правительство отечественной церкви удостоило Братство высокаго довѣрія, а министерство народнаго просвѣщенія даровало щедрое пособіе на нѣкоторыя изъ братскихъ школъ".

Имѣя непосредственное отношеніе къ учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія, П. Д. Шестаковъ относился всегда съ самымъ живымъ интересомъ и участіемъ и къ духовно учебнымъ заведеніямъ. Учебно-воспитательная часть духовныхъ училищъ и семинарій подвергалась имъ неоднократной оцѣнкѣ въ его педагогическихъ сочиненіяхъ, а когда, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ печати былъ поднятъ вопросъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, П. Д. напечаталъ въ „*Русской Рѣчи*" 1861 г. особую статью „О преобразованіи духовныхъ училищъ",—въ которой доказывалъ не-

обходимость улучшенія постановки въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ „общечеловѣческаго образованія“, находившагося тогда въ крайнемъ упадкѣ. Въ бытность свою попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, П. Д. всегда стоялъ близко къ духовной академіи и интересовался ея ученою дѣятельностью. При его содѣйствіи установилась живая связь между университетомъ и академіей, благодаря чему для временнаго преподаванія наукъ, по вакатнымъ каѳедрамъ, преподаватели академіи приглашаемы были въ университетъ, а университетскіе профессора читали лекціи въ академіи [1]). Кромѣ того, онъ не закрывалъ, по выраженію Высокопреосвященнаго Палладія, бывшаго архіепископа Казанскаго, а теперь митрополита Петербургскаго, дверей ввѣренной ему сферы управленія передъ достойнѣйшими изъ духовнаго происхожденія и воспитанія, выдающимися своими талантами, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу и усердіемъ [2]). Въ настоящее время многія изъ такихъ лицъ съ честію проходятъ службу въ университетѣ, гимназіяхъ и занимаютъ другія мѣста и должности въ учебномъ вѣдомствѣ Казанскаго округа. За такое внимательно-сердечное отношеніе свое къ Казанской духовной академіи, а также за свое „живое участіе въ дѣлѣ просвѣщенія совѣтомъ Христовой вѣры язычествующихъ и магометанствующихъ инородцевъ и за свои духовно-литературные труды и просвѣщенное сочувствіе къ успѣхамъ и процвѣтанію отечественно-богословской науки“ П. Д. Шестаковъ въ 1875 году, по единодушному соглашенію совѣта академіи, былъ избранъ въ число ея почетныхъ членовъ.

Что касается характера служенія Петра Дмитріевича на поприщѣ педагогическомъ, то это служеніе было основано на самомъ высокомъ и истинно-просвѣщенномъ взглядѣ на воспи-

---

[1]) См. Отчетъ о состояніи Каз. Духов. Академіи, за 1889—1890 учебный г.

[2]) См. Обѣдъ 30 іюня Петру Дмитріевичу Шестакову Казань 1882.

таніе. „Педагогическое исповѣданіе Петра Дмитріевича, говоритъ одинъ изъ его ближайшихъ сослуживцевъ, насколько могъ я понимать, заключалось въ томъ, что непреложно въ основаніе воспитанія юношества надобно полагать краеугольнымъ камнемъ религіозное образованіе, которое животворно дѣйствуетъ тогда только, когда основывается не на сухомъ формализмѣ, но возникаетъ изъ тайниковъ сердца, исполненнаго любви всеоживляющей“ [1]). Эти слова одного изъ сотрудниковъ Петра Дмитріевича могутъ быть поставлены эпиграфомъ какъ къ его многочисленнымъ педагогическо-литературнымъ трудамъ, такъ и ко всей вообще служебно-педагогической дѣятельности.

Написанныя Петромъ Дмитріевичемъ не задолго до его кончины „Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“ не составляютъ исключенія изъ всѣхъ его педагогическихъ трудовъ. Съ первой страницы „Мыслей о воспитаніи“ видно уже, что эти мысли были мыслями глубоко-вѣрующаго и истинно-просвѣщеннаго христіанина. Въ наше время, когда интересъ къ педагогическимъ вопросамъ день ото дня возрастаетъ, является особенно сильная потребность въ серьезныхъ педагогическихъ трудахъ. Мысли Петра Дмитріевича о воспитаніи, по нашему мнѣнію, какъ нельзя лучше удовлетворяютъ этой потребности. Принадлежа перу опытнаго, высокопросвѣщеннаго и глубоко-вѣрующаго педагога, онѣ и по своему изложенію могутъ быть отнесены къ числу выдающихся литературно-педагогическихъ произведеній.

А. Рождествинъ.

Казань,
1893 г. 29 мая.

---

[1]) Тамъ-же.

Мысли

о

ВОСПИТАНІИ ВЪ ДУХѢ ПРАВОСЛАВІЯ И НАРОДНОСТИ.

I.

Передъ рожденіемъ ребенка.

По сихъ же днехъ зачатъ Елизаветъ жена его, и таяшеся мѣсяцъ пять, глаголющи: яко тако сотвори мнѣ Господь во дни, въ няже призрѣ отъяти поношеніе мое въ человѣцѣхъ. (Ев. отъ Луки I, 24—25).

И слышаша окрестъ живущіи и ужики ея, яко возвеличилъ есть Господь милость свою съ нею, и радовахуся съ нею. (Ев. отъ Луки I, 58).

Материнство—прирожденное чувство женщины. Вложенное въ нее природою, материнское чувство проявляется еще въ дѣтскіе годы. Дѣвочка пеленаетъ, нянчитъ и нѣжными именами ласкаетъ свою куклу, собачку, кошку; носится со своимъ воображаемымъ ребенкомъ, цѣлуетъ его, убаюкиваетъ на рукахъ, кормитъ и укладываетъ въ свою постельку. И все это дѣлается серьезно; крошка мамаша преисполнена важностію лежащихъ на ней материнскихъ обязанностей. Она обидится, если кто обратитъ въ шутку ея материнскія заботы, она горько заплачетъ, если у нея возьмутъ ея ребеночка. Конечно, въ этихъ дѣйствіяхъ дѣвочки, изображающей мать, есть и подраженіе, которымъ вообще отличаются дѣти; но въ основѣ все-

же лежитъ вложенное природою материнство. Это чувство съ особенною силою высказывается тогда, когда дѣвица выходитъ замужъ и дѣлается женщиною. Съ какою едва скрываемою радостію встрѣчаетъ она первый признакъ начинающейся беременности, съ какою гордостію носитъ свое пріятное бремя, съ какимъ особеннымъ, сладостнымъ чувствомъ ощущаетъ первое біеніе сердца, первое движеніе *своего* уже горячо любимаго ею ребенка.

Въ семьѣ, ожидающей дорогого, благодатнаго маленькаго гостя, начались приготовленія. Выбирается матеріалъ почище, побѣлѣе, понѣжнѣе; кроится и шьется бѣлье, которое украшается ленточками, бантиками, чтобы все было понарядпѣе, покрасивѣе; дѣлаются свивальники, чтобы бережно связывать ими хрупкіе, нѣжные члены ребенка; изготовляется мягкое, теплое одѣяльце, чтобы покрывать и защищать отъ холода зябкое тѣльце; принимаются заботы объ устройствѣ для малютки удобной кроватки, которая служила бы ему колыбелью и мѣстомъ отдыха отъ его неустаннаго движенія своими маленькими ручками и ножками.

Благоразумная будущая мать, чтобы сохранить ребенка, бережетъ и себя, не позволяетъ себѣ не только танцевъ и прыжковъ, но и слишкомъ быстраго движенія и всякаго утомленія физическаго и волненія душевнаго, перестаетъ зашнуровываться, уже не думая о тонкой таліи.

Будущіе отецъ и мать оба внимательно еще разъ осматриваютъ свое помѣщеніе, чтобы найти для дитяти уголокъ посуше, потеплѣе и поудобнѣе, хотя бы это повело къ нѣкоторому стѣсненію самихъ родителей.

Такъ заботливо приготовляются будущіе родители къ пріему крошки—гостя. Такой гость достоинъ заботы. Не о немъ ли самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: *Аще не обратитеся, и будете яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное. Иже убо смирится, яко отроча сіе, той есть велій въ царствіи небесномъ.* (Ев. отъ Матѳ. XVIII, 3—4). *Блюдите,*

да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго. (Ев. отъ Матѳ. XVIII, 10).

Но всѣ эти заботы родительскія, о которыхъ мы говорили, касаются лишь физическаго здоровья ребенка. Какія же приготовленія дѣлаются будущими отцомъ и матерью, при ожиданіи „одного изъ малыхъ сихъ“, въ видахъ нравственнаго здоровья и благосостоянія ожидаемаго крошечнаго, безпомощнаго существа? Отцы и матери, кто отвѣтитъ намъ на этотъ вопросъ: какъ и чѣмъ готовимся мы къ принятію этого чистаго гостя, Ангелъ котораго всегда видитъ лице Отца нашего Небеснаго? Приготовляемъ ли мы и для души ребенка такой же безвредный, уютный кровъ, такую же чистую, незапятнанную ничѣмъ, невинную жизнь, которая могла бы служить ему образцемъ; такіе же крѣпкіе свивальники въ нашихъ собственныхъ нравахъ, свычаяхъ и обычаяхъ, охватываемый которыми отовсюду ребенокъ могъ бы расти и укрѣпляться духомъ, исполняяся премудрости? Заботимся ли мы удерживаться отъ нашихъ дурныхъ не только мыслей, желаній и увлеченій, но и отъ нашихъ дурныхъ дѣлъ, поступковъ, привычекъ, которые могутъ соблазнять и растлѣвать чистую душу нашего маленькаго гостя. Вспомнимъ Евангельское слово: *И иже аще пріиметъ отроча таково во имя мое, мене пріемлетъ. А иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ вѣрующихъ въ мя, уне есть ему. да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй. Горе міру отъ соблазнъ: нужда бо есть пріити соблазномъ: обаче горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ* (Ев. отъ Матѳ. XVIII, 5—7). Отцы и матери, не относятся ли эти слова и къ вамъ? Не приходитъ ли къ нашимъ дѣтямъ соблазнъ отъ насъ самихъ? Если каждый изъ насъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ по совѣсти, то, думается намъ, многимъ придется отвѣтить: горе намъ; мы принимаемъ рождающагося ребенка далеко не такъ, какъ слѣдуетъ; примѣромъ своей собственной жизни мы представляемъ ему соблазнъ, сво-

ею прежнею жизнію полагаемъ ему препятствіе къ нравственному совершенствованію.

Признанный уже теперь наукою законъ наслѣдственности указываетъ намъ, что надлежащее приготовленіе къ принятію рождающагося на свѣтъ дитяти должно начаться задолго до его рожденія. Такъ какъ, по закону наслѣдственности, и физическіе и духовныя недостатки родителей передаются дѣтямъ, то стало быть воспитаніемъ самихъ родителей обусловливается тѣлесное и душевное состояніе дѣтей; слѣдовательно приготовленіе къ принятію рождающаго ребенка восходитъ ко времени воспитанія его родителей. А такъ какъ и воспитаніе родителей обусловливается воспитаніемъ ихъ родителей, то приготовленіе къ принятію новорожденнаго восходитъ еще далѣе, къ воспитанію его дѣдовъ, прадѣдовъ и т. д.

Понятно, что родители только что рождающагося ребенка не могутъ дѣйствовать на своихъ предковъ, не могутъ даже совершенно истребить зла, унаслѣдованнаго ими отъ нихъ: но они должны, по мѣрѣ силъ, стараться по возможности заглушать недобрыя сѣмена, посѣянныя въ нихъ самихъ, не давать имъ возрастать и проявляться наружу, особенно въ присутствіи своего ребенка. Они должны дать себѣ обѣтъ постоянно наблюдать надъ собою, постоянно сдерживать свои дурныя привычки, постоянно помнить, что предъ ними благодать Господня, невинное дитя, которое они обязаны принять, хранить и лелѣять во имя Божіе.

Девятимѣсячный срокъ беременности будущей матери долженъ быть временемъ искуса и для нея, и для ея мужа, будущаго отца ребенка. Это время мужъ и жена обязаны всецѣло посвятить самообразованію, самовоспитанію, оставленію дурныхъ привычекъ, пріученію себя къ иному лучшему образу жизни, который могъ бы служить руководствомъ и образцомъ для ихъ милаго дитяти. Въ это время будущимъ матери и отцу слѣдуетъ ознакомиться съ главными, основными правилами физическаго возращенія и духовнаго воспитанія ребенка, здоро-

ваго тѣломъ и духомъ, узнать, что̀ можетъ принести дитяти пользу и что̀ вредъ, чтобы, по рожденіи ребенка, избѣгать всего, что для него вредно, и избирать лишь полезное. Это, можно сказать, самый легкій трудъ, предстоящій будущимъ родителямъ: если у нихъ есть охота, они въ 9 мѣсяцевъ довольно основательно могутъ изучить теорію дѣтскаго воспитанія, какъ вести ребенка въ первые годы его жизни.

Но затѣмъ предстоитъ для нихъ самое трудное дѣло—самовоспитаніе. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ постоянно, строго и бдительно наблюдать надъ самимъ собою и сдерживать самого себя. Побѣда надъ собою есть самый труднѣйшій подвигъ, самая блестящая побѣда, одержать которую безъ помощи Божіей, безъ теплой молитвы къ Богу, невозможно.

Привыкла, напримѣръ, молодая женщина сыпать цвѣтами остроумія, шутить, смѣяться надъ другими, злословить, привыкла потому, что такъ всѣ дѣлаютъ, что ея острыя слова, шутки и смѣхъ возбуждали веселость въ обществѣ знакомыхъ, были предметомъ одобренія людей близкихъ, семейныхъ. Съумѣетъ ли она отвыкнуть отъ этой своей привычки, которая притомъ казалась ей достоинствомъ, а не недостаткомъ?

Привыкла молодая женщина легкомысленно вертѣться въ кругу молодежи, гулять по публичнымъ садамъ, часто посѣщать театръ, концерты, вечера, балы, это доставляло ей не только развлеченіе, но и удовольствіе, тѣмъ болѣе, что она вездѣ бывала съ мужемъ, котораго она искренно любитъ. Съумѣетъ ли она отказаться отъ этихъ удовольствій и почаще сидѣть дома близъ колыбели своего дорогого ребенка? А вѣдь ей придется отказаться отъ общественныхъ собраній, отъ многихъ развлеченій, если она хочетъ предохранить свое дитя отъ вреда, который можетъ произойти съ нимъ въ ея отсутствіе. Неужели она ради вечера и бала удалится отъ своего ребенка, когда простая, неразвитая мать татарка возитъ съ собою въ крытой повозочкѣ свое дитя, даже на сельскія работы? Вотъ для отвычки отъ несвойственныхъ матери привы-

чекъ, готовящаяся быть матерью и должна употребить свой 9-ти мѣсячный искусъ, время ношенія ею сладкаго бремени. Отвыкнуть отъ этихъ прежнихъ привычекъ необходимо и для здоровья ей самой, и для благополучнаго разрѣшенія отъ бремени, и для здоровья будущаго ребенка.

Въ это время нужно,—нужда велитъ, отвыкать и отъ столь вреднаго для здоровья корсета, и отъ черезъ мѣру узкихъ платьевъ, и отъ слишкомъ высокихъ калбуковъ, и отъ излишне-откровеннаго одѣванья, и отъ излишней, ни къ чему не ведущей, кромѣ какъ къ стѣсненію мужа, роскоши, и отъ неумѣренности въ ѣдѣ,—словомъ отъ излишествъ, лишь видимо украшающихъ и услаждающихъ жизнь, въ сущности же вредящихъ физическому здоровью, а иногда отражающихся вредомъ и на духовной сторонѣ человѣка.

Еще болѣе борьбы съ самимъ собою предстоитъ будущему отцу, тѣмъ болѣе борьбы, чѣмъ больше безполезныхъ и даже вредныхъ привычекъ усвоилъ онъ себѣ во время холостой своей жизни.

Кутежи, попойки, веселыя оргіи, прощайте, вамъ не мѣсто у отца семейства. Если онъ имѣлъ несчастную привычку по временамъ напиваться допьяна, ему слѣдуетъ бросить эту дурную привычку навсегда, потому что отцу семейства пить и напиваться допьяна не только не прилично, но и непростительно и грѣшно, такъ какъ онъ своимъ примѣромъ заразитъ и своихъ сыновей, которые сперва изъ подражанія отцу, а тамъ по привычкѣ легко сдѣлаются пьяницами. Считаемъ долгомъ оговориться, что страдающему запоемъ совсѣмъ не слѣдуетъ жениться: дѣти алкоголиковъ, какъ показалъ опытъ, или предаются тому же пороку, или сходятъ съ ума, или подвергаются различнымъ болѣзнямъ.

Будущій отецъ, привыкшій много курить, лучше сдѣлаетъ, если во время девятимѣсячнаго искуса броситъ куреніе, иначе его дѣти тоже будутъ отравлять себя никотиномъ, пріобрѣтя отъ отца безполезную и ничѣмъ не вызываемую потребность

къ куренію. Не отцы ли виноваты въ томъ, что страсть къ куренію охватила даже отроковъ, перелилась, къ сожалѣнію, и въ женщинъ,—а курящая, точно также какъ и пьющая водку, женщина представляетъ жалкое, болѣзнённое явленіе?

Картежнику, привыкшему играть въ карты съ увлеченіемъ, слѣдуетъ отстать отъ своей привычки: картежная игра—занятіе самое безсмысленное, но могущее увлечь, отвлечь отъ серьезнаго дѣла и даже испортить характеръ человѣка до неузнаваемости.

Записной клубистъ, взявшій привычку, будучи холостымъ, ежедневно проводить вечера въ клубѣ, нравственно обязанъ, уже ради жены, оставить эту холостую привычку, чтобы проводить вечера вмѣстѣ съ женою, а въ продолженіе 9-ти мѣсячнаго искуса ему положительно нужно отвыкнуть отъ частаго посѣщенія клуба, которое несовмѣстно со званіемъ отца семейства, даже если не соединяется съ картежной игрой и попойкой.

Человѣкъ съ небольшими средствами, если возымѣлъ привычки гастронома, приготовляясь сдѣлаться отцемъ семейства, долженъ позабыть гастрономію, которая, укоренившись, можетъ лишить его жену и дѣтей необходимаго изъ-за излишняго.

Неженатые люди нерѣдко въ холостой компаніи привыкаютъ къ нескромнымъ и несдержаннымъ бесѣдамъ;—такіе разговоры неприлично вести и допускать у себя человѣку семейному, потому что такія рѣчи чистый соблазнъ для дѣтей. Отецъ, дозволяющій при дѣтяхъ соблазнительныя бесѣды,—не воспитатель, а растлитель своихъ дѣтей. Отецъ семейства! „*И словесемъ твоимъ сотвори вѣсъ и мѣру, и уставъ твоимъ сотвори дверь и затвору*“ (Сир. XXVIII, 29).

Если будущій отецъ не привыкъ дома трудиться, не имѣетъ привычки читать, то въ теченіи 9-ти мѣсяцевъ онъ долженъ привыкнуть къ дѣловому труду и усвоить себѣ привычку къ чтенію: обѣ привычки будутъ благотворно дѣйствовать на ребенка, который изъ подражанія усвоитъ эти двѣ добрыя

привычки, незамѣтно для него самого, а это послужитъ ему къ пользѣ на всю жизнь.

Никогда въ присутствіи ребенка не слѣдуетъ говорить неправду. Постоянно правдивое слово отца и матери воспитаетъ правдивость и въ ребенкѣ, а это въ высшей степени важно, такъ какъ ложь есть болѣзнь не однихъ дѣтей, но, можно сказать, болѣзнь нашего вѣка.

Никогда въ присутствіи дитяти не должно дурно отзываться о другихъ.

Если будущіе отецъ и мать сдѣлали привычку спать долго и вставать поздно, нужно въ 9-мѣсячное время искуса пріучиться раньше ложиться и раньше вставать,—такъ здоровѣе, и для умственной, и для всякой работы полезнѣе. „*Сонъ здоровый отъ чрева умѣренна*, говоритъ Іисусъ, сынъ Сираховъ: *восста заутра, и душа его съ нимъ*“ (Премудр. гл. XXXI, 22). Недаромъ нѣмцы сложили поговорку: Morgenstunde hat Gold im Munde (у утренняго часа во рту золото). Приготовляющіеся быть отцомъ и матерью должны носить Бога въ сердцѣ своемъ ежечасно; должны оказывать почтеніе своимъ родителямъ. *Бояйся Господа почитаетъ отца, и яко владыкамъ послужитъ родившимъ его* (Сир. гл III, 7). *Корень премудрости еже боятися Господа и вѣтвіе ея долгоденствіе* (тамъ же гл. I, 20). Къ бѣднымъ и сирымъ будущіе отецъ и мать да будутъ сострадательны, со слугами своими тихи, не гнѣвны. *Не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте. умы же совершенни бывайте* (1. Коринѳ. XIV. 20).

Наконецъ, пусть будущіе родители постоянно помнятъ слова Апостола Павла: *И аще роздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое во еже сжещи е, любве же не имамъ, никакая польза ми есть* (1 Коринѳ. гл. XIII, 3). Крѣпкая любовь должна связывать будущихъ отца и мать на всю жизнь.

Тотъ изъ молодыхъ мужей, который во время холостой своей жизни подобно мотыльку перелеталъ отъ цвѣтка къ

цвѣтку, долженъ забыть свою вѣтренность и помнить, что обязанность отца семейства требуетъ солидности и устойчивости въ сердечныхъ привязанностяхъ, что его святой долгъ быть вѣрнымъ мужемъ матери своего ребенка, такъ какъ, измѣняя женѣ, онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ нарушителемъ отцовскихъ обязанностей и совершаетъ безсердечный, низкій, позорный поступокъ, отнимая у своего ребенка отца и оставляя его сиротою въ самый безпомощный возрастъ его жизни. Горе и общее презрѣніе тому, кто это дѣлаетъ. Сказанное нами сейчасъ относится и къ женѣ, измѣняющей своему мужу и оставляющей своего ребенка безъ матери. *Еже убо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ* (Мар. X, 9).

Горячею молитвою къ Богу призвавъ благословеніе на свой семейный союзъ и приготовившись въ теченіе 9-мѣсячнаго искуса принять драгоцѣнный плодъ брачнаго союза, во имя Божіе, какъ подобаетъ истиннымъ христіанамъ, будущіе отецъ и мать могутъ съ веселіемъ въ душѣ ожидать прихода своего ангельчика, какъ народъ нашъ мѣтко называетъ ребенка.

II.

Рожденіе ребенка.

Человѣкъ живетъ тройственною жизнію: растительною, животною и разумною или духовною. У него три отечества: чрево матери, земля и небо. Рожденіемъ вступаетъ онъ во второе отечество, смертію и воскресеніемъ въ третье, вѣчное. Какъ дитя во чревѣ матери приготовляется къ земной жизни, такъ душа съ помощію тѣла образуется во время земной жизни для вѣчности. Счастливъ тотъ, кто приноситъ въ свѣтъ изъ чрева матери хорошо образованные члены, въ тысячу разъ счастливѣе тотъ, кто при смерти уноситъ хорошо образованную душу. (Іоаннъ Амосъ Коменскій Didactica magna).

Есмь бо и азъ человѣкъ смертенъ, подобенъ всѣмъ и земнородного внукъ первозданнаго. И во чревѣ матерни изобразихся плоть, въ десятомѣсячномъ времени согустився въ крови отъ

сѣмени мужеска и услажденія сномъ сошедшагося. И азъ рожденъ воспріяхъ общаго аери и на подобострастную землю спадохъ, первый гласъ подобный всѣмъ испустихъ плача. Въ пеленахъ воскормленъ есмь и съ (великимъ) прилежаніемъ: ни единъ бо царь ино имѣ рожденія начало. Единъ бо входъ всѣмъ есть въ житіе, подобенъ же и исходъ (книга премудрости Соломона гл. VII, 1—7). Такъ говорится отъ имени царя Соломона объ его рожденіи. Каждый изъ насъ, говоря словами книги премудрости Соломона, спадаетъ на землю, испуская первый голосъ плача. Ни одинъ царь не имѣлъ иного рожденія начала: одинъ входъ всѣмъ въ жизнь, одинъ и исходъ.

Въ болѣзнѣхъ родиши чада (кн. Бытія Моис. гл. III, 16), сказалъ Господь Богъ первой женѣ, по совершеніи Евой и Адамомъ первороднаго грѣха. Не мимо идетъ слово Господа... Страшныя муки ждутъ будущую мать, когда наступитъ часъ рожденія; невыносимыя нравственныя страданія—удѣлъ будущаго отца въ эти тяжкія и скорбныя для нихъ минуты. Холодъ леденитъ сердце, трепетъ пробѣгаетъ по жиламъ, когда мужъ видитъ внезапную перемѣну въ лицѣ любимой жены, видитъ это милое для него лице вдругъ осунувшимся, блѣднымъ, съ потухающими очами, какъ будто послѣ перенесенія долгой и тяжкой болѣзни. Съ ужасомъ, тщательно скрываемымъ, смотритъ онъ на это, столь не похожее на вчерашнее лице, и понимаетъ, что наступаетъ истинная страда для нихъ: для жены физическія муки, для него нравственная пытка. И невольно мысленно обращается онъ съ теплою слезною мольбою къ Богу: „сохрани ее, Боже, для меня, для ребенка. Умилосердись надъ нами“.

Тогда же слѣдуетъ пригласить акушерку, не откладывая до послѣднихъ минутъ. Между тѣмъ въ первый разъ рождающая, на первыхъ порахъ еще спокойна, радостна, не предчувствуя того, что ее ожидаетъ...

Но ея радостное настроеніе продолжается не долго. „*Умножая, умножу печали твоя и воздыханія твоя*“ (кн. Бытія III—16).

Съ каждымъ часомъ боли усиливаются, съ усиленіемъ болей лице ея еще болѣе худѣетъ, она дѣлается безпокойнѣе, ей уже не сидится на мѣстѣ... Она дѣлаетъ порывистыя движенія... пробуетъ ходить, надѣясь движеніемъ заглушить острыя болѣзненныя схватки. Напрасно... Боль все усиливается и усиливается до того, что у слабосильныхъ и слабохарактерныхъ вызываетъ даже крики, которые впрочемъ нисколько не помогаютъ, не облегчаютъ, лишь безъ нужды увеличиваютъ собственный страхъ родильницы и страхъ мужа и близкихъ ея.... Исполняется глаголъ Господа: „*жена, егда рождаетъ, скорбь имать, яко пріиде годъ ея!*“ (Ев. отъ Іоан. XVI, 21). Но, вслѣдъ за этимъ скорбнымъ словомъ, Господь Іисусъ Христосъ сказалъ и слово утѣшенія: „*егда же родитъ отроча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родися человѣкъ въ мірѣ*“ (тамъ же)...

Вотъ раздался первый дѣтскій крикъ, или вѣрнѣе плачъ новорожденнаго... и при этомъ крикѣ позабываются, выкупаются всѣ страданія... Посмотрите, что сдѣлалось съ матерью. Какъ преобразилось ея лице: за минуту искаженное тяжкими муками, оно теперь свѣтло и радостно, въ блестящихъ глазахъ сіяетъ по истинѣ неземная радость. „Покажите мнѣ его, покажите“, проситъ она. Къ ней подносятъ ребенка. „Сокровище мое, золотой мой“, говоритъ она, осыпая поцѣлуями сморщенное, красное личико. И сколько любви, сколько восторга въ ея лицѣ и въ звукахъ ея голоса... Молодая женщина преобразилась совершенно,—она глядитъ беззавѣтно любящею свое дитя матерью... А отецъ? Отецъ, при первомъ крикѣ ребенка, со слезами радости благодаритъ Бога за его неизреченную милость, и снова молится—о сохраненіи жизни двухъ дорогихъ для него существъ. Ему какъ то особенно легко и пріятно. Съ умиленіемъ смотритъ онъ на просвѣтленное и сіяющее радостію лице жены, какъ будто сразу оживившееся и... и гордится тѣмъ, что онъ—отецъ. Да, велика, полна радости эта минута, и за радость эту позабывается мучительная

скорбь, только что перенесенная. И съ какимъ теплымъ чувствомъ благодарности возносятъ въ этотъ часъ свои молитвы къ Богу новые отецъ и мать. Ахъ! Если бы мы всегда съ такимъ чувствомъ молились, если бы всегда такъ тепло, отъ всего сердца благодарили Бога за Его постоянное къ намъ милосердіе, какъ бы хорошо это было.

Въ то время, когда отецъ и мать предаются молитвенному восторгу и переживаютъ, можно сказать, самыя сладкія минуты своей жизни, возбудившій въ нихъ такое радостное настроеніе ребенокъ, спеленатый, спокойно лежитъ на подушкѣ, почмокивая губами, какъ будто сосетъ что-нибудь. На этомъ крошечномъ существѣ, безсильномъ, безпомощномъ, крикливомъ, сосредоточиваются отнынѣ всѣ заботы, всѣ помыслы, всѣ надежды матери.

Первыя заботы, конечно, о томъ, чтобы ребенку было тепло, сухо, чтобы онъ былъ сытъ. Его свиваютъ, перемѣняютъ на немъ бѣлье, какъ только оно сыро, закутываютъ въ теплое одѣяльце.

Но нужно ли ребенка свивать? Въ тѣ годы, когда всѣ и всюду толковали о свободѣ развитія, предоставили свободу и новорожденному, снявъ съ него свивальникъ и предоставивъ ему свободно, по произволу, дѣйствовать своими маленькими членами. „Такъ де ребенокъ разовьется свободнѣе, лучше“. Тяжелый опытъ показалъ, что даже маленькому, невинному, безвольному существу излишняя воля и свобода приносятъ лишь вредъ: торчащія уши, кривыя ноги, глубокія царапины на лицѣ и на тѣлѣ и другія, иногда весьма тяжелыя, поврежденія были результатомъ предоставленія ребенку полной свободы дѣйствій. Не то ли же видимъ мы и на отрокахъ, и на юношахъ, и даже на совершенно взрослыхъ, которые скидываютъ съ себя свивальники закона и скачутъ на полной свободѣ, какъ безъуздые кони? Въ виду нѣжности и хрупкости членовъ новорожденнаго ребенка, предоставленіе ему полной свободы и оставленіе неспеленатымъ не должно имѣть мѣста. Въ самое

послѣднее время свивальники, кажется, снова начинаютъ получать прежнее право гражданства ко благу ребенка. Конечно, не слѣдуетъ пеленать туго. Во время поленанія полезно на короткое время дать ребенку возможность продѣлать маленькую гимнастику крошечными ручками и ножками, что дѣти производятъ очень искусно, устремивъ при этомъ какъ будто внимательный, сосредоточенный взглядъ въ одну точку.

Благо тому ребенку, который кормится молокомъ матери. Это самая настоящая, естественная, самая здоровая пища ребенка. Но, къ сожалѣнію, этою природною пищею питаются у насъ только дѣти крестьянъ, а изъ городскихъ сословій лишь дѣти несостоятельныхъ родителей. Имѣющіе хорошія матеріальныя средства родители почти всегда берутъ для всѣхъ дѣтей кормилицъ. Это—своего рода мода, о которой нельзя не скорбѣть, какъ объ одной изъ самыхъ вредныхъ модъ, и на которую поэтому нельзя не обратить особеннаго вниманія. Мать, изъ за одной прихоти, изъ лѣни, или изъ моды, отказывающая своему ребенку въ самой здоровой пищѣ, которая въ первое время должна быть единственной пищей дитяти, грѣшитъ противъ природы, дѣлаетъ не проступокъ, а преступленіе противуестественное. Посмотрите на міръ животныхъ млекопитающихъ, каждая самка кормитъ своего дѣтеныша своимъ молокомъ. Видали ли вы когда-нибудь, чтобы она отдавала его другой самкѣ на прокормленіе? Милліоны крестьянокъ и бѣдныхъ матерей всегда своей грудью кормятъ собственныхъ дѣтей, и дѣлаютъ это не по сознанію лишь долга и обязанности,—онѣ кормятъ своего ребенка грудью съ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ, съ гордостію. Присущее женщинѣ материнство влечетъ ихъ къ этому сладкому исполненію долга,—этого требуетъ сама природа, потому что, когда ребенокъ сосетъ грудь матери, постоянно наполняющуюся молокомъ, онъ облегчаетъ ее, освобождая ее отъ того, что назначено собственно для него и что служитъ обремененіемъ матери. Неужели же находятся матери, которыя, изъ-за пустой прихоти

и моды, лишаютъ ребенка его естественной пищи, даже во вредъ собственному здоровью? — Къ сожалѣнію, какъ много такихъ матерей! Испорченныя свѣтомъ и его удовольствіями, онѣ, чтобы не лишать себя этихъ удовольствій, чтобы не связать себя по рукамъ—по ногамъ обязанностію кормить грудью ребенка, еще до появленія его на свѣтъ припасаютъ кормилицу, которая заступила бы ихъ ребенку мѣсто матери и кормила его своею грудью. При выборѣ кормилицы главнѣе всего заботятся о томъ, чтобы она была здоровая женщина и чтобы молоко у нея было хорошее; при этомъ кормилицѣ отнюдь не позволяютъ оставлять при себѣ собственнаго ея ребенка,—она обыкновенно отдаетъ его на прокормку роднымъ въ своей деревнѣ. Вдумайтесь, какое неестественное дѣло совершается: одна мать, богатая, изъ-за богатства, изъ-за прихоти, изъ-за моды, оставляетъ своего ребенка другой бѣдной матери, платя ей деньги за то, что та будетъ кормить своею грудью ея ребенка, и принуждаетъ ее при этомъ бросить ея собственнаго ребенка на чужія руки. Подумала ли богатая мать, что она сдѣлала? Подумала ли она о томъ, что и у этой женщины, взятой въ кормилицы, есть ребенокъ, котораго она любитъ чувствомъ матери, который ей дороже всего на свѣтѣ? Видѣла ли богатая мать, какими горькими слезами обливала свое родное дитя эта нанятая ею кормилица, какъ она причитывала надъ своимъ милымъ дѣтищемъ, какими нѣжными именами его называла, какъ прижимала къ сердцу, какъ цѣловала, и какимъ надрывающимъ сердце плачемъ рыдала? Нѣтъ, богатая мать, лежа на своемъ пуховикѣ, на своихъ обшитыхъ дорогими кружевами подушкахъ, не видитъ этой сцены прощанья кормилицы съ роднымъ дѣтищемъ. А подумать, что и кормилица—мать, что и ей дорого ея дитя и тяжело разставаніе съ нимъ, подумать объ этомъ богатой матери когда же? Ей нужно подумать о многомъ болѣе важномъ: о туалетахъ пріѣзжающихъ къ ней дамъ, о томъ, какъ нарядить свое дитя, какъ принарядить кормилицу, чтобы всѣмъ бросилась въ

глаза, какъ бы не упустить вечера у однихъ, бала у другихъ знакомыхъ, какъ бы принять участіе въ концертѣ, спектаклѣ или аллегри съ благотворительною цѣлію и проч. Когда же ей думать о ребенкѣ кормилицы? Да и какое ей дѣло до него? У ней и безъ того много бѣдныхъ. А между тѣмъ кормилица ея, разставшись съ своимъ „ангельчикомъ", разсѣянно даетъ чужому ребенку грудь съ молокомъ, отравленнымъ горечью тяжелой материнской скорби. Она и поплачетъ горько гдѣнибудь въ уголкѣ все о своемъ же миломъ дѣтищѣ. „Что-то онъ, мое сокровище, теперь дѣлаетъ, думаетъ огорченная мать; не доѣстъ, не доспитъ. И приголубить-то его некому. А ты вотъ тутъ корми чужое дитя немилое, свое-то милое бросимши". Помнимъ мы, какъ безутѣшно плакала одна кормилица, получивъ изъ деревни извѣстіе о смерти своего ребенка. Какъ она упрекала себя, какъ убивалась. Уткнется въ подушку, лежитъ и воетъ: „Ужь такая-то красавица дѣвчурочка-то была. Уморила я ее.., эхъ, доля моя горькая!" И зальется, бѣдная. Ея горе—законное, естественное, спору нѣтъ, но горе не придастъ вкуса и здоровья ея молоку. За что же, спрашивается, дитя, которое она нанялась кормить, отвѣчало за ея горе? Кормилицу винить трудно: ее нужда гонитъ. Но что же гонитъ богатыхъ родителей брать кормилицу? Какъ же они не поймутъ, что какую бы здоровую кормилицу они не взяли, у этой кормилицы есть свой ребенокъ, — двухъ же кормить не дадутъ, слѣдовательно, своего она должна оставить,—при себѣ держать ей его нельзя, такъ какъ она не удержится не покормить его грудью, стало быть, ей необходимо отправить его подальше отъ себя въ деревню, а такая разлука съ новорожденнымъ, понятно, для нея тяжела, прискорбна. Такое состояніе кормилицы не можетъ не отразиться на ея молокѣ. Тоска кормилицы по брошенномъ ею, по нуждѣ, ребенкѣ, портя молоко, несомнѣнно вредитъ тому дитяти, котораго она будетъ кормить. Уже по этой одной причинѣ родителямъ опасно передавать своего новорожденнаго ребенка кормилицѣ. Рискъ

при этой передачѣ, какъ мы видимъ, не подлежитъ сомнѣнію, а польза весьма сомнительная: трудно ожидать физической пользы, трудно ожидать здоровой пищи отъ молока кормилицы, постоянно думающей и тоскующей о своемъ собственномъ дитяти. А можно ли ожидать нравственной пользы? Чтобы основательно отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо вглядѣться, какія женщины, кромѣ крестьянокъ—законныхъ матерей, большею частію поступаютъ въ кормилицы. Въ кормилицы поступаютъ въ большинствѣ случаевъ матери незаконнорожденныхъ дѣтей: солдатки, мужья которыхъ далеко на службѣ, крестьянки, живущія безъ мужей, которые находятся въ отхожихъ промыслахъ, дѣвицы и вдовы, вступившія въ незаконную связь съ кѣмъ-нибудь. Для всѣхъ этихъ лицъ ихъ новорожденные составляютъ бремя, избавиться отъ котораго приличнымъ и небеззаконнымъ способомъ даютъ возможность ищущія кормилицъ богатыя матери. На эту нравственную, или точнѣе безнравственную сторону кормилицъ ищущіе и выбирающіе ихъ не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія. Между тѣмъ опытомъ дознано, что чрезъ молоко ребенокъ всасываетъ и нравственныя свойства своей кормилицы. На что же обрекается новорожденный, которому въ кормилицы даютъ не отличающуюся хорошею нравственностію женщину? Увы! Объ этомъ мы, родители, и не думаемъ. Намъ былъ бы сытъ ребенокъ да веселъ, а какіе соки, какіе нравственные элементы войдутъ въ него чрезъ молоко кормилицы, объ этомъ и въ мысляхъ нѣтъ. Почему знать, можетъ быть, развившаяся нынѣ, подобно чумной заразѣ, безнравственность, нарушеніе святости семейныхъ узъ, совершающееся открыто, не слѣды ли этого кормленія дѣтей грудью безнравственнымъ кормилицъ? Невозможно прослѣдить всѣ тончайшіе изгибы, которыми идетъ вліяніе кормилицы на душу ребенка, невозможно поэтому даже предположительно указать на результаты кормленія кормилицъ. Жанъ-Жакъ Руссо (род. 1712, ум. 1778) говоритъ: „Матери уже не кормятъ своихъ дѣтей, кормилица

раздѣляетъ любовь дитяти съ матерью, которая предается удовольствіямъ. Здѣсь лежитъ главная причина разложенія всѣхъ семейныхъ отношеній, всякой взаимной любви между членами семьи,—каждый думаетъ лишь о себѣ и о своихъ прихотяхъ. Прелесть семейной жизни — лучшій противовѣсъ дурнымъ нравамъ".

Родители говорятъ иногда: „у такого-то нашего ребенка была здоровая кормилица, и посмотрите, какой онъ здоровый вышелъ; или: это—ребенокъ хилый, у него были перемѣнныя или плохія кормилицы". Говорятъ иногда и о нравственной сторонѣ: „Коля—кроткій ребенокъ, у него была тихая, скромная кормилица; Вася—буянъ, вѣроятно отъ кормилицы перешло,—заноза была баба". Случалось намъ слышать и такіе отзывы о маленькомъ двухлѣтнемъ мальчикѣ: „совсѣмъ дурачекъ, да и не мудрено: кормилица его была дура набитая". Всѣ эти отзывы показываютъ убѣжденіе въ томъ, что кормилица, какъ полагаютъ, имѣетъ вліяніе не только на физическую, но и на нравственную и умственную сторону жизни вскормленнаго ею ребенка.

Истину этого убѣжденія отрицать едва ли возможно. Поэтому выборъ кормилицы долженъ быть производимъ со всевозможною осторожностію. На самомъ дѣлѣ эта осторожность ограничивается освидѣтельствованіемъ врача: посмотритъ онъ кормилицу и ея молоко изъ груди изслѣдуетъ, увидитъ, что баба—здоровая, молоко хорошее,—и рекомендуетъ. Да эту-то внѣшнюю осторожность многіе ли наблюдаютъ? Большая часть ограничивается небольшимъ: посмотрятъ на кормилицу, спросятъ: „хорошо ли у тебя молоко", и берутъ. Если она прежде жила гдѣ нибудь въ кухаркахъ или въ горничныхъ, справятся, какова она, и получивъ отвѣтъ, что она не пьяница, не воровка, принимаютъ ее въ кормилицы.

Насколько такимъ осторожнымъ выборомъ обезпечивается не только нравственная сторона, но даже и физическое здоровье ребенка, говорить излишне. Сколько видѣли мы примѣровъ

всяческой порчи дѣтей кормилицами. Только у самыхъ богатыхъ лицъ сверхъ кормилицы при ребенкѣ состоитъ и бонна, на попеченіи которой находится ребенокъ, и которая имѣетъ хоть какое нибудь понятіе объ уходѣ за дѣтьми. У большей части родителей кормилица и кормитъ ребенка и служитъ ему нянькой, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ дѣлѣ, за которое она взялась. Печальны бываютъ результаты ухода кормилицы за ребенкомъ. Мы знаемъ такой случай: кормилица, тихая и скромная деревенская женщина, здоровая, съ хорошимъ молокомъ, отличалась необыкновенною сонливостію и ротозѣйствомъ. Несла она разъ на рукахъ дѣвочку, которую кормила, мимо лѣстницы и, вѣроятно, вздремнула или зазѣвалась на ходу: ребенокъ выпалъ у нея изъ рукъ и скатился съ лѣстницы. Захворало бѣдное дитя, не жило, а прозябало, хилое и желтое до 5 лѣтъ. Въ одну ночь, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, у малютки открылось кровотеченіе изъ горла, кровь шла цѣлыми кусками... несчастная дѣвочка утромъ умерла. Несомнѣнно, причиною ея болѣзни и ранней смерти было паденіе съ лѣстницы. Другой примѣръ: прелестною, дышущею здоровьемъ, свѣжестью и красотою дѣвочкой любовались всѣ, видя ее на рукахъ здоровой, красивой кормилицы. Имѣвшіе дѣтей завидовали родителямъ дѣвочки, что у нихъ такая славная кормилица и такой прелестный, здоровый ребенокъ. Пока жили въ городѣ, зимой и весной, все шло прекрасно. Кормилицу одѣвали тепло, и она и ребенокъ были здоровы. На лѣто семья переѣхала въ деревню. На чистомъ воздухѣ, среди лѣса, луговъ и полей, ребенокъ еще болѣе расцвѣлъ. Но кормилица, среди сельской природы, возвратившись къ своимъ деревенскимъ привычкамъ, стала выходить рано по утрамъ, во время росы, босикомъ въ садъ, купаться во всякое время; и простудилась. Простуду замѣтили только тогда, когда съ нею сдѣлался сильный жаръ, и она слегла въ постель. Пригласили врача, по его совѣту отвезли кормилицу въ городъ, тамъ она вылѣчилась. Но прелестный ребенокъ, радость и утѣха роди-

телей, оставшись безъ кормилицы, захудѣлъ, захирѣлъ и умеръ. Сколько можно бы привести прискорбныхъ случаевъ болѣзни, уродства и смерти дѣтей на первомъ году возраста, когда они на рукахъ кормилицы, служащей имъ и кормилкой, и нянькой.

Вопросъ о томъ, полезно ли имѣть кормилицъ, по нашему мнѣнію, весьма важный и существенный вопросъ, который едва ли можетъ быть разрѣшенъ въ пользу кормилицъ. По нашему убѣжденію, выведенному изъ тысячи наблюденій, кормилицы болѣе приносятъ вреда, чѣмъ пользы. Никто, конечно, не станетъ и спорить, что если у матери достаточно молока, если мать можетъ кормить ребенка, то она *обязана* кормить, какое бы высокое положеніе она ни занимала, какъ бы богата ни была: непростительно изъ-за лѣни, прихоти, а тѣмъ болѣе изъ-за моды отдавать ребенка на прокормленіе чужой женщинѣ иного воспитанія, иныхъ взглядовъ, иного направленія, женщинѣ вполнѣ невѣжественной, и въ большинствѣ даже нравственно испорченной. Если же мать, по состоянію своего здоровья, рѣшительно не въ состояніи кормить своего ребенка, тогда что? Нанимать ли кормилицу, или вскармливать ребенка инымъ способомъ, рекомендуемымъ наукою? Въ виду огромнаго риска и прямой опасности отъ кормилицъ, мы стоимъ за кормленіе ребенка въ такихъ случаяхъ суррогатами материнскаго молока. Къ счастію для дѣтей, люди науки достаточно поработали надъ вопросомъ о кормленіи ребенка, такъ что въ настоящее время есть полная возможность обойтись въ крайнихъ случаяхъ безъ кормилицъ, этого въ прежнее время необходимаго зла.

Какъ обставлять ребенка въ первый годъ его жизни?— Какъ можно проще и отнюдь не наполнять дѣтской множествомъ разнообразныхъ предметовъ. Чѣмъ проще будетъ обстановка ребенка, чѣмъ менѣе въ ней будетъ роскоши и изысканности, тѣмъ скорѣе, съ самыхъ пеленокъ, ребенокъ привыкнетъ къ простотѣ и умѣренности, а такая привычка—лучшее жиз-

ненное пріобрѣтеніе: она избавитъ его впослѣдствіи отъ многихъ бѣдствій, къ которымъ ведетъ изнѣженность и излишество. Житье не по средствамъ, эта болѣзнь вѣка, подтачивающая благосостояніе отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго народа, не результатъ-ли воспитанія ребенка съ пеленокъ въ пуху, въ шелку, въ бархатѣ и кружевахъ, окруженія его всѣми возможными прихотями и предметами излишества и роскоши. Къ излишеству и роскоши легко привыкнуть, какъ вообще легка привычка ко всему пріятному, доставляющему удовольствіе, но каково отвыкать, если придется? Привычка къ простотѣ и умѣренности лучшее наслѣдство, которое родители могутъ дать своимъ дѣтямъ.

III.

Первыя впечатлѣнія, представленія и мысли ребенка.

Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смышляхъ. (Посл. къ Коринѳ. I гл. XIII, 11).

Чувственныя ощущенія даютъ первый матеріалъ опытскихъ знаній; поэтому слѣдуетъ эти впечатлѣнія поставлять имъ въ надлежащемъ порядкѣ (Ж. Ж. Руссо).

„Первыя представленія и мысли, доступныя наблюденію, говоритъ Кавелинъ въ своихъ „Задачахъ психологіи“, сильно запечатлѣны субъективнымъ характеромъ“. Это очевиднѣе всего обнаруживается на ребенкѣ. Для трехлѣтняго Вани непремѣнно всякій другой мальчикъ, котораго онъ видитъ, тоже Ваня; видитъ онъ нѣсколько мальчиковъ и восклицаетъ: „отъ колько Ваневъ“. Всякій чужой мужчина для него „дядя“, а когда Ваня былъ меньше, дядей отъ называлъ не только людей, но и медвѣдя и волка. Всяное кушанье или питье, котораго ему не даютъ, для него „Вань Ванычъ писать“ (докторъ Иванъ Иванычъ прописалъ), т. е. лекарство, вещь непріятная, „бя“. Папа и мама, тетя и дядя, лошадь и корова, и все, что онъ видитъ, Ванино. На все, стало быть, онъ смотритъ съ чисто субъек-

тивной точки зрѣнія, все его, и существуетъ для него, потому вѣроятно, что прежде всего въ его сознаніи выдѣлился онъ самъ отъ всего окружающаго, или вѣрнѣе, самое его сознаніе начинается съ того момента, когда ребенокъ почувствовалъ свое собственное я. Потому то справедливо и то, что „представленія и мысли выдѣляются изъ ощущеній, что первоначальный толчекъ, ихъ вызывающій,—впечатлѣніе, а первоначальная почва—чувствительность". Съ тѣхъ поръ какъ ребенокъ сталъ себя чувствовать, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ выдѣлять себя отъ всего окружающаго, еще не называя себя *я*, а говоря про себя въ третьемъ лицѣ, называя себя по имени, онъ является передъ нами съ чисто субъективнымъ характеромъ, его представленія и мысли нераздѣльны съ его личными впечатлѣніями, съ его чувственными ощущеніями. Если къ ребенку всѣ ласковы, если онъ окруженъ средою, относящеюся къ нему съ любовію, то и онъ ко всѣмъ и ко всему относится съ любовью и лаской; и неприглядный, черный трубочистъ въ его глазахъ „милый черный дядя", и медвѣдь милый, и ребенокъ съ любовію цѣлуетъ картинку, изображающую медвѣдя. Наоборотъ, если ребенокъ отовсюду кругомъ себя встрѣчаетъ суровыя лица. грозное слово и порой ударъ, въ его глазахъ все покрывается черной краской, всякаго онъ боится, отъ всякаго бѣжитъ или отворачивается, если бѣжать некуда, и много нужно умѣнья, чтобы привлечь къ себѣ такого запуганнаго ребенка, чтобы измѣнить его міросозерцаніе. На этотъ чисто и исключительно субъективный характеръ дѣтскаго міросозерцанія слѣдуетъ обращать вниманіе при воспитаніи: громадную роль играютъ въ образованіи психической стороны человѣка первоначальныя впечатлѣнія его дѣтства.

На основаніи этого очевиднаго вліянія среды на ребенка, поверхностнымъ наблюдателямъ привилось убѣжденіе, что душа ребенка — tabula rasa, бѣлый листъ бумаги, что на ней напишешь, то и будетъ. Намъ кажется, что именно чисто-субъективный характеръ первыхъ представленій и мыслей ребенка,

напротивъ,—одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ, что душа ребенка—не tabula rasa. Что душа ребенка—не бѣлая бумага, это видно изъ того, что ребенокъ нерѣдко возмущается противъ несправедливаго, жестокаго обхожденія съ нимъ, хотя онъ никогда не видалъ и не испыталъ обхожденія мягкаго; что человѣкъ, впитавшій въ себя въ дѣтствѣ дурныя привычки, борется съ ними и иногда одолѣваетъ ихъ. Стало быть, есть въ немъ вложенная отъ рожденія сила, которая служитъ противовѣсомъ вліянію среды и внѣшнихъ впечатлѣній, эта сила—душа живая, которую вдунулъ Богъ при сотвореніи человѣка, душа, одаренная прирожденными способностями. Какъ иначе объяснить тотъ замѣчательный фактъ, что геніальный, воспитанный легкимъ воздухомъ своей родины—Ареццо, Микель-Анджело настойчиво маралъ стѣны отцовскаго дома своими дѣтскими рисунками, обличавшими присутствіе таланта въ ребенкѣ, не смотря на то, что его часто бранили и даже жестоко били за его „маранія“? Что самостоятельный духовный организмъ присущъ ребенку при самомъ его рожденіи, это наглядно доказываютъ намъ глаза ребенка, это зеркало души. Всмотритесь попристальнѣе въ эти глаза, — въ нихъ виденъ уже зачатокъ мысли, они не безжизненны, они одухотворены, а между тѣмъ ребенокъ, безспорно, еще не чувствуетъ, не сознаетъ себя. Что существуютъ природныя духовныя способности, объ этомъ едва ли можно спорить: вѣдь многіе, вмѣстѣ съ ребенкомъ Микель-Анджело, дышали вольнымъ воздухомъ Ареццо, а геніальнымъ живописцемъ сдѣлался одинъ онъ, не смотря на всѣ препятствія, полагаемыя ему семьею. Чѣмъ, какъ не прирожденными способностями, переходящими, такъ сказать, по наслѣдству, объяснить фактъ существованія семейства, члены котораго отличаются въ живописи или музыкѣ? Не одною очаровательною мѣстностію Аппенинскихъ горъ объясняется появленіе смуглаго, съ темными волосами и глазами, прекрасными, открытыми и полными кротости и пріятности, съ граціозными и нѣжными чертами лица, геніальнаго

живописца Рафаэля, между предками котораго насчитываютъ четырехъ живописцевъ. Отецъ Рафаэля былъ недюжиннымъ живописцемъ, онъ былъ первымъ учителемъ своего сына. Какъ человѣкъ разсудительный и съ вѣрнымъ взглядомъ, онъ зналъ, какъ важно не довѣрять чужимъ рукамъ ребенка, который могъ бы перенять грубыя и низкія привычки, сродныя людямъ безъ воспитанія. Поэтому онъ хотѣлъ, чтобъ его единственный сынъ кормился молокомъ матери и чтобы съ самыхъ первыхъ минутъ своей жизни привыкалъ къ обычаямъ родительскаго дома. Посреди честнаго семейства, въ привычкѣ къ труду, любимый нѣжною матерью, руководимый умнымъ отцомъ, росъ Рафаэль. Величественная природа оставила въ немъ неизгладимыя впечатлѣнія и содѣйствовала къ воспитанію въ немъ мистическаго восторга. Онъ многимъ былъ обязанъ семьѣ, но, лишь благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ, онъ переросъ отца славою и сдѣлался знаменитымъ живописцемъ. Положимъ, что любовь Рафаэля къ живописи могла быть вложена въ него отцемъ, но кто могъ вложить въ сына Холмогорскаго рыбака (Ломоносова) эту безпредѣльную жажду къ знаніямъ, которая побудила его изъ дома отца съ обозомъ, пѣшкомъ идти въ Москву? Не грубая же обстановка, которою онъ былъ окруженъ, не сельскій же полуграмотный педагогъ, у котораго онъ учился, не угрюмая же природа съ своими великолѣпными сѣверными сіяніями? Кто могъ въ бѣдномъ мальчикѣ, который былъ отданъ отцемъ въ магазинъ, гдѣ продавали ваксу, и обреченъ на работу обертыванія банокъ съ ваксою, предугадать будущаго извѣстнаго романиста Чарльза Диккенса? Кому изъ семинарскихъ товарищей Сперанскаго могло придти въ голову, что будетъ время, когда Сперанскій, графъ и пользующееся довѣріемъ Государя лице, станетъ ворочать судьбами государства, когда память его будетъ чествоваться отдаленнымъ потомствомъ, какъ память знаменитаго государственнаго дѣятеля? Гдѣ въ дѣтствѣ Сперанскаго зачатки для его будущей дѣятельности? Что могло послужить къ образованію и развитію въ немъ

геніальныхъ способностей законодателя и администратора? Какъ алмазъ своимъ яркимъ природнымъ блескомъ пробивается изъ подъ груды камней, такъ выбивается наружу природный талантъ часто изъ грубой и невѣжественной среды, не смотря на всѣ препятствія, на всѣ груды камней, лежащихъ поперегъ его дороги. Ни въ одномъ лицѣ не выступаетъ съ такою ясностію, какъ въ великомъ апостолѣ языковъ Павлѣ, душа, какъ особенный, такъ сказать, индивидуумъ, который, всецѣло поглощенный одною всезахватывающею цѣлію, великими нравственными и духовными истинами, не поддается даже такимъ впечатлѣніямъ внѣшняго міра, которыя на другія натуры имѣли бы неотразимое вліяніе. Красота и величіе природы его роднаго города Тарса.—его плодородная равнина, снѣговыя горы, прозрачный, быстрый потокъ Кидна, не производили, какъ видно, вліянія на молодую душу Савла. „Можно вообразить, какъ для другой натуры онѣ служили бы источникомъ постояннаго вдохновенія, какъ онѣ проникли бы въ самый внутренній складъ его мысли; какъ въ людныхъ городахъ и грязныхъ темницахъ онѣ опять и опять предносились бы его внутреннему взору въ тяжкомъ уединеніи. Но апостолъ Павелъ ни однимъ стихомъ, ни даже единичнымъ выраженіемъ, во всѣхъ своихъ посланіяхъ, не выдаетъ ни малѣйшаго отблеска восторга или умиленія красотами природы". Фаррара, Жизнь и труды св. апостола Павла.

Воспитаніе много значитъ, но воспитаніемъ не зарождаются талантъ и геній, а только пробуждаются. Воспитаніемъ образовывается умъ, смягчается сердце, направляется воля; но воспитаніе безсильно для зарожденія таланта. Еще древніе говорили poetae nascuntur, oratores, philosophi fiunt, хотя нельзя при этомъ не замѣтить, что и великіе ораторы, и великіе мыслители, точно такъ же, какъ и великіе поэты, музыканты, художники, актеры рождаются, т. е. дѣлаются великими, не путемъ лишь развитія, а благодаря особымъ, прирожденнымъ способностямъ. Вѣдь и въ поэтическомъ, и ораторскомъ, и въ музыкальномъ, и въ художественномъ произве-

деніи, равно какъ и въ мастерской игрѣ актера, нельзя не признать и результатовъ мышленія, глубокой обдуманности, изученія, какъ и въ трудѣ философа; а съ другой стороны, въ геніальныхъ трактатахъ философскихъ, въ математическихъ и историческихъ изслѣдованіяхъ нельзя не видѣть великаго таланта, природной способности къ свѣтлому, ясному и глубокому мышленію, обобщенію и выраженію мыслей.

Итакъ, прирожденныхъ способностей нельзя отрицать, Душа наша не tabula rasa. Да и можетъ ли быть ею живая, безсмертная душа, вложенная Всемогущимъ Богомъ? Прирожденныя способности воспитатель долженъ развивать, не дать имъ заглохнуть. Отецъ педагогіи Песталоцци (1746—1825) такъ говоритъ: „садовникъ садитъ и поливаетъ, но Богъ возращаетъ. Не воспитатель вкладываетъ какую-нибудь силу въ человѣка, не онъ даетъ жизнь и дыханіе какой-нибудь способности человѣческой, онъ заботится только о томъ, чтобы никакое внѣшнее вліяніе не задерживало и не нарушало естественнаго хода развитія отдѣльныхъ духовныхъ силъ; онъ заботится о томъ, чтобы развитіе каждой способности человѣческой природы совершалось безпрепятственно, по законамъ природы".

Съ принятія впечатлѣній и образованія представленій, хотя бы и грубыхъ, невѣрныхъ, начинаются психическіе дѣйствія и процессы. Потому то на этотъ, такъ сказать, эмбріональный періодъ психической дѣятельности и слѣдуетъ обратить особенное вниманіе; потому что дальнѣйшій правильный ростъ психическаго организма обусловливается правильнымъ ходомъ этого періода. Какъ для правильнаго и здороваго развитія физической природы ребенка въ начальное время пища должна быть выбираема согласно природѣ, и лучше всего, если ребенокъ будетъ питаться молокомъ матери; такъ и для правильнаго развитія психической его стороны лучше всего, если впечатлѣнія, воспринимаемыя имъ, будутъ по возможности наиболѣе просты и наименѣе разнообразны. Сложные и разнообразные предметы развлекаютъ вниманіе и препятствуютъ сосре-

доточенности, а слѣдовательно основательности, яркости и твердости впечатлѣній. Это мы можемъ испытать на самихъ себѣ. Пройдитесь, напр., по эрмитажу въ С.-Петербургѣ или по художественному музею въ Берлинѣ разъ, другой, третій, проведите тамъ по нѣскольку часовъ сряду, но осматривайте каждый разъ все вдругъ,—вы не много вынесете впечатлѣній яркихъ, неизгладимыхъ, останется у васъ лишь смутное представленіе обо всемъ видѣнномъ и усвоите вы только образъ того, надъ чѣмъ остановились подольше. Но если вы, вмѣсто того, чтобы осматривать вдругъ весь эрмитажъ или музей, ограничитесь каждый разъ однимъ небольшимъ его отдѣломъ и осмотрите внимательно предметы, находящіеся въ томъ отдѣлѣ, то впечатлѣнія, которыя вы вынесете, не будутъ такъ разнообразны, за то будутъ свѣтлы и тверды. Итакъ, если взрослому развитому человѣку вредитъ излишнее разнообразіе предметовъ, то тѣмъ болѣе ребенку. Отъ того-то, быть можетъ, дѣти богатыхъ семействъ, живущія въ роскоши и разнообразіи, не отличаются большею частію наблюдательностію и способны къ легкомыслію и верхоглядству; напротивъ, ребенокъ, выросшій среди лишеній, въ простой неприглядной обстановкѣ, хотя и чуждъ изящества, за то способенъ къ вдумчивости, наблюдательности, глубокому вниканію и размышленію. Простая обстановка рабочей, трудовой жизни въ небогатой семьѣ представляетъ и ту важную выгоду для воспитанія ребенка, что пріучаетъ его къ труду: на примѣрѣ родителей онъ видитъ, что они постоянно работаютъ, что все, что его окружаетъ, добыто ихъ трудами, и онъ, какъ только становится въ силахъ, невольно вовлекается въ эту трудовую жизнь и по мѣрѣ силъ начинаетъ помогать родителямъ, начинаетъ работать и на опытѣ узнаетъ, какъ сладокъ отдыхъ послѣ трудовъ, узнаетъ пріятность труда и отдыха. Лишнимъ считаемъ говорить о томъ, что богатое семейство легче можетъ, если конечно обратить должное вниманіе, устроить для ребенка такую обстановку, при которой онъ будетъ получать впечатлѣнія яркія, свѣтлыя, твердыя, при которыхъ у

него будутъ образовываться и представленія ясныя и основательныя. Но для этого необходимо, какъ мы уже прежде сказали, чтобы предметы, окружающіе ребенка и производящіе на него впечатлѣніе, были сообразны съ природою, съ возрастомъ ребенка, были просты, несложны, и чтобы не подавляли ребенка своимъ множествомъ и разнообразіемъ. Сначала его слѣдуетъ окружить самыми простыми и весьма немногими предметами, но такими, между которыми было бы извѣстное отношеніе, и взглядъ на которые невольно вызывалъ бы въ ребенкѣ сравненіе одного предмета съ другимъ. Къ такимъ предметамъ принадлежатъ: окружающіе ребенка люди большіе и маленькіе, образъ Спасителя, портреты Государя, отца, матери, братьевъ, сестеръ и т. п.; большіе и маленькіе столы и стулья, кровати, комоды и изображеніе этихъ предметовъ. Непремѣнное условіе, чтобы портреты и изображенія были сдѣланы вѣрно и хорошо; къ безобразному и невѣрному рисунку отнюдь не должно пріучать глазъ ребенка. Если въ комнатѣ ребенка стѣнные часы съ боемъ, то желательно, чтобы бой былъ тихій и мелодичный, а не рѣзкій и скорый: отъ рѣзкихъ звуковъ нужно освобождать нѣжное ухо дитяти. Вспомнимъ, что у ребенка, кромѣ того, предъ глазами стѣны, печь, окна, полъ, и затѣмъ части всѣхъ предметовъ, его окружающихъ, движеніе людей, ихъ говоръ качаніе маятника, тикъ-такъ и бой часовъ.

Ребенокъ въ первое время, какъ извѣстно, большею частію спитъ, какъ бы набираясь силъ и отдыха на предстоящую полную труда, движенія и борьбы жизнь, какъ бы сосредоточиваясь въ себѣ для знакомства съ невѣдомымъ для него внѣшнимъ міромъ, преисполненнымъ разнообразія. Когда онъ начнетъ бодрствовать, глазенки его быстро перебѣгаютъ отъ предмета къ предмету,—въ нихъ замѣтно удивленіе, они какъ будто спрашиваютъ: куда это я попалъ? Въ это время можно, пожалуй, послѣдовать совѣту Фребеля—повѣсить надъ ребенкомъ разноцвѣтные мягкіе мячики, которыми дитя постепенно пріучается играть, и при этой игрѣ совершается своего рода

гимнастика, которая, впрочемъ, прирождена ребенку, потому что онъ, если не спитъ и если не спеленанъ, постоянно продѣлываетъ разныя гимнастическія упражненія ножками и ручками.

Если предметовъ, окружающихъ ребенка, будетъ слишкомъ много, если эти предметы будутъ безпрестанно мѣняться; то эти удивленные, вопрошающіе свѣтлые глазки долго еще будутъ вопросительно и удивленно перебѣгать отъ предмета къ предмету, не останавливаясь ни на одномъ изъ нихъ; а если и будутъ эти предметы возбуждать впечатлѣнія въ ребенкѣ, то впечатлѣнія самыя смутныя, неустойчивыя, поверхностныя. При безпрестанной смѣнѣ окружающихъ ребенка предметовъ, впечатлѣнія и могутъ быть лишь самыя неопредѣленныя и смутныя. Напротивъ, если предметовъ, окружающихъ ребенка, будетъ немного, и если только эти одни предметы будутъ въ первое время окружать его, то бѣгающіе глаза ребенка скоро перестаютъ бѣгать и начинаютъ подолѣе останавливаться сперва на одномъ предметѣ, потомъ на другомъ, на третьемъ, снова и какъ бы съ удвоеннымъ любопытствомъ останавливаются еще дольше на первомъ предметѣ, потомъ на второмъ, на третьемъ. Продѣлывается при этомъ то же, что съ разсказываемою дѣтямъ сказкою, которая сотни разъ выслушивается ребенкомъ и все съ большимъ и большимъ вниманіемъ, пока чуть не заучивается наизусть. Одно и то же не надоѣдаетъ дѣтямъ такъ скоро, какъ взрослымъ, вѣроятно, потому, что дѣти только что начинаютъ жить,—все для нихъ такъ ново, они, такъ сказать, запасаются матеріаломъ для жизни.

Въ этомъ періодѣ остановки вниманія ребенка на одномъ предметѣ вы скоро увидите, что глаза его переходятъ отъ лица матери, на которомъ онъ естественно раньше всего сосредоточиваетъ свое вниманіе, къ ея портрету, отъ лица отца къ его изображенію, отъ окна къ окну, отъ большей кровати къ маленькой и снова къ большой и т. д., слышится вопросительное: а? а? а? Это значитъ, что ребенокъ началъ сравнивать, и чѣмъ

чаще онъ это дѣлаетъ, тѣмъ лучше, тѣмъ основательнѣе становятся его впечатлѣнія и представленія, тѣмъ болѣе онъ привыкаетъ къ наблюдательности.

Когда ребенокъ, по вашему наблюденію, достаточно ознакомился съ окружающими его предметами, вы можете помѣстить въ его комнатѣ новый предметъ. Если онъ замѣтитъ его съ перваго раза и при взглядѣ на него, спроситъ: а?—значитъ, 1) онъ дѣйствительно хорошо ознакомился съ окружающими его предметами, 2) что наблюдательность въ немъ развивается, и 3) что стало-быть вы во время внесли въ его обстановку новый предметъ.

Постепенно комната ребенка можетъ населяться новыми предметами, постепенно кругъ его впечатлѣній и представленій будетъ расширяться. При этомъ постепенномъ расширеніи его домашняго кругозора, менѣе вредны будутъ, для ясности и твердости его впечатлѣній и представленій, совершенно необходимыя для его здоровья прогулки на чистомъ воздухѣ: разнообразныя впечатлѣнія, получаемыя внѣ дома, сначала большею частію будутъ проходить безслѣдно, а когда въ ребенкѣ разовьется правильная наблюдательность дома, тогда и на прогулкахъ онъ привыкнетъ останавливать вниманіе на особенно выдающихся чѣмъ-нибудь предметахъ, и изъ прогулокъ будетъ выносить болѣе твердыя впечатлѣнія, хотя все же не столь живыя, какъ впечатлѣнія домашнія. Привыкнувъ дома къ внимательному и основательному разсматриванію предметовъ, къ отыскиванію въ нихъ сходства и различія, ребенокъ будетъ останавливаться со вниманіемъ и на предметахъ внѣ дома, бросившихся ему особенно въ глаза, и на каждомъ шагу вамъ придется встрѣчать его вопросительный взглядъ, а когда онъ заговоритъ, то и обращаемые къ вамъ вопросы: что это? для чего это? удовольствіе, съ какимъ онъ будетъ встрѣчать предметы, которые онъ видѣлъ дома, покажетъ вамъ, что съ окружающими его дома предметами онъ не только ознакомился, но и сроднился, что ему пріятно и радостно видѣть старыхъ

знакомыхъ. При правильномъ развитіи наблюдательности въ ребенкѣ, и строй его мышленія пойдетъ органически, послѣдовательно. Вамъ не представится надобности навязывать ему знанія, напрашиваться съ своими объясненіями: вамъ придется лишь отвѣчать на его вопросы, объяснять ему, такъ сказать, его собственныя недоумѣнія. Такимъ образомъ ребенокъ развивается самостоятельно; въ немъ самомъ возбуждается любовь къ знанію, пытливость,—вы являетесь лишь лицомъ, удовлетворяющимъ его собственный аппетитъ, вы насыщаете его голодъ, зародившуюся въ немъ потребность духовной пищи.

Постепенно возбудивъ самодѣятельность и любознательность въ ребенкѣ, вы можете удовлетворять этой возбужденной любознательности путемъ наглядным—показываніемъ картинокъ, изображеній звѣрей, птицъ, рыбъ. При этомъ, чтобы вниманіе ребенка не развлекалось, лучше показывать отдѣльныя изображенія, начиная съ знакомыхъ ребенку, — лошади, кошки, собаки, пѣтуха, курицы и пр., потомъ переходить къ незнакомымъ. При показываніи такихъ отдѣльныхъ изображеній (а не ландшафтовъ, не группъ,—это слишкомъ сложно для ребенка), вниманіе дитяти невольно останавливается на показываемой картинкѣ, невольно возбуждается его вопросъ: что это? Какъ показываніе и объясненіе такихъ картинокъ занимаетъ и въ то же время развиваетъ ребенка, это мы видѣли на первородной дѣвочкѣ одного семейства. Когда она была еще одна у родителей, на ней естественно сосредоточивались все ихъ вниманіе и заботы. У отца дѣвочки было русское старинное изданіе „Видимаго Міра“ Коменскаго. Эта книжка была перелистываема и пересматриваема матерью и ребенкомъ буквально до того, что обратилась въ лепестки. Малютка видимо развивалась по мѣрѣ того, какъ растрепывалась книжка. Дѣвочка гораздо ранѣе, чѣмъ стала говорить, могла показываніемъ (пальцемъ) отвѣчать на вопросы матери: гдѣ левъ, гдѣ тигръ, гіена и т. п., не говоря уже о знакомыхъ животныхъ, т. е. ознакомилась хорошо съ изображеніемъ „Видимаго Міра“

и отыскивала тѣхъ звѣрей, птицъ и рыбъ, о которыхъ ее спрашивали. Изорванная въ лепестки книга Амоса Коменскаго положила прочный фундаментъ развитію дѣвочки. „Видимый Міръ“ былъ ея лучшимъ учителемъ, ему она обязана и развитіемъ любознательности и сообразительности, и любовію къ книгамъ, которыми она зачитывается, съ тѣхъ поръ какъ научилась читать! Очень можетъ быть, что показываніемъ и объясненіемъ картинокъ сначала „Видимаго Міра“, а потомъ другихъ дѣтскихъ книгъ образовалась въ нашей маленькой знакомкѣ охота показывать картинки и толково объяснять ихъ другимъ дѣтямъ, такъ что она служила потомъ помощницей матери, занимая и развивая своихъ младшихъ сестеръ и братьевъ объясненіемъ картинъ и разсказами.

Въ настоящее время не то, что прежде, дѣтскихъ книгъ значительное число, такъ что есть возможность выбрать книги сообразно съ возрастомъ и степенью пониманія дѣтей и не ограничиваться однѣми сказками, исключеніе которыхъ изъ дѣтской библіотеки мы тоже не можемъ не признать непростительнымъ: сказка (разумѣемъ хорошую) — весьма поучительна и тѣмъ большее производитъ на дѣтей впечатлѣніе, что, при своей поучительности, сохраняетъ за собою характеръ игры, а игру дѣти, какъ извѣстно, любятъ больше всего, игра въ первые годы заступаетъ для нихъ мѣсто всякихъ уроковъ. На основаніи такого значенія игры, другъ дѣтей Фребель и устроилъ свои дѣтскіе сады (Kindergarten), и издалъ свою педагогику игръ, постепенно развивающихъ ребенка. По замѣчанію Фридриха Августа Вольфа (1759—1824), „стихотворенія болѣе всего способствуютъ хорошему образованію. До 7-го и 8-го года стихи должны быть главнымъ предметомъ (Hauptsache), ибо на этотъ возрастъ поэзія производитъ отличное дѣйствіе, дѣти не въ состояніи понимать высшей красоты прозы“.

IV.

Дѣтскіе годы.

Бога бойтеся, Царя чтите (Посл. Петр. I, 11—17)
Боящся Господа, пріиметъ наказаніе (Кн. Премудр. Іис. сына Сирах. XXXII, 17).
Всяка премудрость имя Господа и съ нимъ есть во вѣки. (Тамъ-же I, 1).
Страхъ Господенъ, яко—рай благословенія (Тамъ-же XL, 28).

Въ дѣтскіе годы полагается основаніе для здоровья ребенка физическаго и духовнаго.

Для физическаго здоровья необходимы: чистый воздухъ, здоровая пища, теплое и сухое помѣщеніе, купанье, чистота, движеніе, даже бѣготня. Такъ какъ о физическомъ воспитаніи и о гимнастикѣ много писано, то мы не станемъ дѣлать выписокъ и повторять столько разъ говоренное, тѣмъ болѣе, что физическое воспитаніе вѣрнѣе назвать возращеніемъ, а не воспитаніемъ.

Мы обратили вниманіе лишь на самое главное и существенное для здоровья ребенка. Присоединимъ къ этому желаніе, чтобы дѣтей одѣвали свободно, не въ узкіе костюмы, сообразно полу, возрасту и времени года, чтобы не слишкомъ увлекались развившимся въ послѣднее время стремленіемъ пріучать дѣтей къ холоду, водя ихъ чуть не съ голыми ногами. Нашъ суровый климатъ требуетъ большаго береженія, большей теплоты. Не нужно слишкомъ укутывать дѣтей, что̀, конечно, располагаетъ къ простудѣ, но не слѣдуетъ и слишкомъ раздѣвать ихъ даже въ холодное время. Во всемъ нужно соблюдать мѣру, а при возращеніи нѣжнаго дѣтскаго организма соблюденіе мѣры болѣе всего необходимо. Нельзя же въ суровомъ климатѣ одѣвать дѣтей такъ, какъ одѣваютъ въ Италіи; а нельзя не сознаться, что костюмы нашихъ дѣтей въ холодные вѣтренные осенніе дни порою производятъ невольную дрожь: на нихъ смотря, холодно становится, а каково-то имъ, бѣд-

нѣжкамъ. И все дѣлается ради моды, чтобы какъ нибудь не погрѣшить противъ этой властительницы надъ слабостями человѣческими. Посмотрите: холодный осенній день, рѣзкій вѣтеръ такъ и продуваетъ насквозь, благоразумные люди надѣваютъ теплое пальто съ мѣховымъ воротникомъ, а крошку дѣвочку ведутъ въ коротенькомъ, можетъ быть и ватномъ, платьицѣ, въ чулочкахъ, чуть не ажурныхъ, и туфляхъ на высокихъ каблукахъ, а съ ней идетъ мальчикъ, одѣтый почти дѣвочкой и также легко, воздушно. Посинѣли бѣдныя дѣтки, а идутъ чинно, подъ надзоромъ не допускающей ничего шокирующаго, англичанки.

Не кутайте ребенка, но одѣвайте его тепло, сообразно съ временемъ года и съ климатомъ мѣстности, гдѣ вы живете, вотъ правило здравой педагогики.

„Рано ложиться, рано вставать, спать не болѣе 8 часовъ. Дѣти должны спать на матрацахъ, а не на перинахъ. Не слѣдуетъ пичкать ихъ лекарствами, особенно предохраняющими отъ болѣзней. Не слѣдуетъ призывать врача изъ за всякой мелочи“ (Локкъ 1632—1704 г.).

Нелишнимъ считаемъ сдѣлать замѣтку относительно хожденія ребенка. Здѣсь, по нашему мнѣнію, не должны имѣть мѣста искусственные способы, въ родѣ самокатокъ, которыя передвигаютъ ребенка сами, безъ усилія съ его стороны. Едва ли такіе способы пріучать къ хожденію способствуютъ здоровью ребенка. Пусть лучше дитя выучивается ходить само указанными природѣ способами, которые составляютъ естественную дѣтскую гимнастику; при этомъ нужно только наблюдать за ребенкомъ и остерегать его благовременною помощію отъ тяжелыхъ паденій. Естественнымъ путемъ научившійся ходить ребенокъ гораздо тверже держится на ногахъ и смѣлѣе ходитъ.

А какое удовольствіе родителямъ доставляютъ первая улыбка ребенка, первый лепетъ дорогихъ для отца и матери словъ: папа и мама и первое его самостоятельное хожденіе. И съ

какимъ удовольствіемъ самъ ребенокъ пользуется пріобрѣтеннымъ имъ умѣньемъ ходить, и какъ осторожно, какъ-то подобравшись, сложивши ручонки крѣпко-крѣпко, какъ будто держась ими за себя самого, совершаетъ дитя свое первое кругосвѣтное путешествіе по комнатѣ.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ родители этихъ важныхъ въ жизни ребенка моментовъ.

Теперь обратимся къ нравственному воспитанію.

Для каждаго человѣка дорого свое родное, съ чѣмъ онъ сжился съ пеленокъ. Для каждаго народа дороги тѣ особенности, которыя составляютъ его самобытность и самостоятельность, его народность, которыя укрѣпляются въ народѣ, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію. Каждый народъ воспитывается въ духѣ своей народности. Римское воспитаніе, сообразно духу народному, велось иначе, чѣмъ воспитаніе греческое: у грековъ дѣти Іонійскаго племени воспитывались иначе, чѣмъ дѣти племени Дорійскаго.

Въ душѣ человѣческой, кромѣ общихъ всѣмъ людямъ свойствъ, есть свойства частныя, изъ совокупности которыхъ и слагается народность. Намъ, русскимъ, дорога наша чистая вѣра, источникъ нашего здравомыслія, дорога наша воспитательница и руководительница православная церковь со всею ея богослужебною обстановкою; нашимъ сердцамъ пріятны и близки и колокольный звонъ, и священныя пѣснопѣнія, и даже церковно-славянскій языкъ, хотя нашъ теперешній языкъ и далеко отступилъ отъ него, — со всѣмъ этимъ мы сжились, сроднились съ дѣтства.

Воспитаніе русскаго ребенка должно стоять твердо на исконныхъ народныхъ началахъ. Православная Русь наша искони была богобоязненною и царелюбивою. Этими принципами она была крѣпка и могуча, эти принципы спасли ее отъ сильныхъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Послѣ тяжкихъ бѣдствій она, многострадальная, выходила, благодаря этимъ свойствамъ народа, цѣлою и невредимою, возрождалась изъ

пепла своихъ городовъ, какъ фениксъ. Богобоязненность и царелюбіе основныя русскія начала; на нихъ и должно созидаться воспитаніе русскаго ребенка. *Бога бойтеся, Царя чтите*, вотъ что должно быть основнымъ правиломъ русскаго воспитанія. Страхъ Господень и беззавѣтную любовь и преданность Царю слѣдуетъ положить въ основу воспитанія: въ этихъ народныхъ началахъ слѣдуетъ вести русскаго ребенка твердо и неуклонно съ самыхъ пеленокъ до лѣтъ возмужалости. Русскому сердцу дороги святыя иконы, переходящія отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ, какъ лучшее драгоцѣнное наслѣдіе; намъ дорого крестное знаменіе, съ которымъ чисто русскій человѣкъ приступаетъ ко всякому дѣлу; мы съ любовію привыкли смотрѣть на изображеніе русскаго царя, этого, по русскому исконному вѣрованію, помазанника Божія.

Поэтому первыми предметами въ дѣтской комнатѣ должны быть образъ Спасителя и портретъ царствующаго государя; первыми словами, которымъ обязана учить его мать, какъ только ребенокъ станетъ говорить, должна быть соединенная съ крестнымъ знаменіемъ молитва: „Спаси, Боже, Царя, папу и маму“.

Богъ всевидящій, для Котораго нѣтъ тайны, Который знаетъ не только всѣ наши дѣла, но и помышленія, и Царь дорогой, любимый, который любитъ насъ и мы его, вотъ съ кѣмъ прежде всего долженъ быть ознакомленъ ребенокъ, вотъ къ кому должны быть обращены первыя его мысли, вотъ кто долженъ быть регулятивомъ его дѣйствій. Богъ долженъ стоять передъ ребенкомъ, какъ живое лице, въ ореолѣ святости, всевѣдѣнія и всемогущества. Рано ребенокъ долженъ узнать, что Богъ сотворилъ все и всѣхъ, и все, что живетъ и движется, держится Его всемогущею силой, обо всѣхъ и обо всемъ Онъ печется, всѣхъ и все Онъ знаетъ, отъ Него скрыться нельзя: Онъ вездѣ присутствуетъ и все видитъ. „Богъ увидитъ, Богъ узнаетъ“, вотъ что должно останавливать ребенка отъ лжи, скрытности, отъ всего дурного, что запрещено ему отцемъ и

матерью, которые, конечно, должны требовать отъ ребенка одного и того-же,—это непремѣнное правило воспитанія. Царь да стоитъ передъ ребенкомъ, какъ живой, свѣтлый образъ отца, любящаго свой народъ, котораго всѣ его подданные, отъ мала до велика, должны любить отъ всего сердца, ежедневно утромъ и вечеромъ молиться объ его здоровьи, и котораго всѣ, и старъ, и малъ, обязаны безпрекословно слушаться, такъ повелѣлъ Богъ, и такъ велитъ любовь къ Царю. „Ты любишь и слушаешься папу и маму, а папа и мама любятъ и слушаются Царя, и ты долженъ любить и слушаться Царя всегда, во всемъ и молиться о немъ каждый день, утромъ и вечеромъ". Слово Царя законъ, вотъ что должно быть внушаемо ребенку словомъ и примѣромъ родителей. Доступно ли ребенку такое внушеніе? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приведемъ фактъ изъ дѣтской жизни. Ребенокъ, очень любящій, какъ и всѣ дѣти, слушать сказки, приходитъ въ комнату отца и проситъ: „папа, разскажи сказку". Отецъ, въ это время сидѣвшій за письменнымъ столомъ, отвѣчаетъ: „нельзя мнѣ тебѣ разсказывать сказки, мой милый: Царь (указываетъ на портретъ Царя) приказалъ мнѣ писать; за это Царь даетъ мнѣ жалованье, деньги, на которыя я покупаю мамѣ и тебѣ (пересчитываетъ для наглядности, что именно). Какъ же я не послушаю Царя, брошу дѣло и стану сказывать тебѣ сказки? Царя нужно слушаться". И ребенокъ, внимательно выслушавъ слова отца, уходитъ отъ него серьезный, идетъ къ мамѣ, и когда мать спрашиваетъ.—Что папа? дитя отвѣчаетъ съ полнымъ убѣжденіемъ: „папа пишетъ, ему Царь писать велѣлъ".

Иные полагаютъ, что мысль о Богѣ—слишкомъ отвлеченная мысль для ребенка.—Выводъ изъ такого положенія ясенъ; стало быть, говорятъ они, о Богѣ ребенку говорить не слѣдуетъ. Какъ они ошибаются. Для ребенка все живетъ, дышетъ, чувствуетъ и говоритъ. Его живое воображеніе влагаетъ жизнь даже въ бездушные предметы, и онъ увѣренъ, онъ даже видитъ, что они живутъ, и обижается, если большіе

не видятъ того, что онъ видитъ. Памятенъ мнѣ одинъ случай. Бойкій и живой трехлѣтній мальчикъ неустанно болталъ ногами, сидя верхомъ на стулѣ; онъ, видите, ѣхалъ въ Москву. Но вдругъ замолкъ на минуту, на лицѣ его изобразилась серьезная дума. Онъ бѣжитъ въ дѣтскую, приноситъ оттуда большой гуттаперчевый мячикъ, снова садится верхомъ на стулъ, беретъ въ одну руку веревочку, которою онъ еще раньше осѣдлалъ стулъ, другою рукою съ силою бросаетъ мячъ на полъ, мячикъ запрыгалъ, а дитя съ восторгомъ посматривалъ на него и, поддергивая веревку, покрикивалъ но—но. „Что это, Ваня, у тебя мячикъ-то упалъ на полъ“, замѣтилъ отецъ. Мальчикъ остановился, съ укоромъ посмотрѣлъ на отца, и чуть не со слезами въ голосѣ сказалъ: „мячикъ, какой мячикъ, папа, это жеребенокъ прыгаетъ за своей мамой“. Изъ отвѣта ребенка ясно, что онъ живо вообразилъ, что стулъ дѣйствительная лошадь, а мячъ — жеребенокъ, прыгающій около своей мамы, вообразилъ сцену, которую такъ часто случалось ему видѣть въ деревнѣ. При такомъ живомъ воображеніи, ребенку все доступно, для него всякая бездушная вещь, всякое отвлеченное, повидимому, понятіе облекается въ плоть и кровь, дышетъ, живетъ и движется: Что отвлеченнѣе, повидимому, понятія о всевѣдѣніи Божіемъ, а оно доступно ребенку, доступно въ самой живой, образной формѣ. Приведу въ примѣръ сценку изъ дѣтскаго быта. Малютка братъ $2^1/_2$ лѣтъ и сестра $3^1/_2$ сидятъ на маленькихъ стуликахъ около маленькаго дѣтскаго столика, передъ ними игрушечный чайный приборъ. Сестра наливаетъ брату будто бы чай, а въ сущности, какъ они сами говорятъ, пустую чашку. Братъ серьезно беретъ чашечку и пьетъ. Выпиваетъ онъ одну чашку, другую. Хочешь еще? спрашиваетъ сестра, бѣлокурая, необыкновенно бойкая и предпріимчивая дѣвочка. Хочу, отвѣчаетъ братъ, серьезный, нѣсколько неповоротливый мальчикъ, дай. Но въ это время на бойкую дѣвочку стихъ нашелъ: она, говоря ея словами, распакизничала: „не дамъ“, отвѣчаетъ она брату. Маша, дай,

проспть тотъ. „Не дамъ, говорю, не дамъ, полно“. Мальчикъ горько заплакалъ и пошелъ жаловаться матери: Мама, Маша мнѣ чаю не даетъ. Маша, обращается къ дѣвочкѣ мать, что ты не даешь чаю Ѳедѣ? Маша нашла причину: „онъ у меня ведерко взялъ“. Нѣтъ, мама, это мое ведерко, оправдывается мальчикъ. Маша свое ведерко потеряла. „Нѣтъ, ты потерялъ свое, а мое взялъ, возражаетъ сестра и при этомъ схватываетъ ведерко, это мое ведерко“. „Мама, вели ей отдать ведерко“, снова заплакалъ Ѳедя. Маша, отдай ему ведерко сейчасъ, строго говоритъ мать, вѣдь это его ведерко. Маша съ ведеркомъ въ рукѣ вдругъ выступаетъ два шага впередъ къ образу и, поднимая ручонку съ ведеркомъ вверхъ, говоритъ твердымъ, убѣжденнымъ голосомъ: „Богъ видитъ, Богъ знаетъ, что это мое ведерко. На, возьми“. И отдаетъ ведерко брату.

Другой примѣръ тонкости пониманія ребенка. Ходитъ наша знакомка Маша съ своимъ папой рука въ руку по саду и осыпаетъ отца вопросами: то (указывая на дерево), откуда? То (указывая на цвѣтокъ), откуда? То (указывая на траву), откуда? и т. д. На всѣ вопросы получаетъ одинъ отвѣтъ: отъ Бога—Богъ создалъ. „Все Богъ создалъ“? спрашиваетъ дѣвочка.—Все.—„А свѣтъ кто, а солнце?“ И свѣтъ, и солнце Богъ создалъ.—А было когда нибудь, что свѣта не было, солнца не было? Да, было такое время. Маша вдругъ блѣднѣетъ, и съ испугомъ вскрикиваетъ: „Папа, да что-жъ это такое было тогда—мракъ, ужасъ“. Вотъ до какой мысли, до мысли о хаосѣ, предшествовавшемъ созданію міра, можетъ додуматься ребенокъ. Какъ ему можетъ быть недоступно понятіе о живомъ, всевѣдущемъ и всемогущемъ Богѣ, если величавый образъ этого живого Бога съ раннихъ дней поставятъ предъ нимъ, если каждое утро и каждый вечеръ ребенокъ видитъ, какъ отецъ и мать съ сердечною молитвою благоговѣйно обращаются къ этому Богу, если каждое утро и каждый вечеръ его учатъ складывать ручонки и молиться этому всемогущему Богу, Который все создалъ, все подаетъ, безъ твор-

ческой силы Котораго не было бы ни этихъ свѣтлыхъ звѣздъ съ луною, ни этого яснаго, голубого, безоблачнаго неба, ни этого ярко блестящаго солнца, ни этихъ привлекающихъ взоры зеленыхъ деревьевъ и травъ, ни этихъ пестрыхъ, красивыхъ, благоуханныхъ цвѣтовъ, а былъ бы только „мракъ и ужасъ“. Ни одна идея не близка такъ сердцу ребенка, какъ идея о Богѣ Творцѣ, все сотворившемъ и все въ Своей рукѣ содержащемъ.

Дѣтская вѣра—самая чистая, не затуманенная никакимъ размышленіемъ вѣра. Эта вѣра, о которой такъ глаголетъ Господь: „*Имѣйте вѣру Божію. Аминь бо глаголю вамъ, яко, иже аще речетъ горѣ сей: двигнися и верзися въ море, и не размыслитъ въ сердцѣ своемъ, но вѣру иметъ, яко еже глаголетъ бываетъ, будетъ ему, еже аще речетъ*“ (Ев. отъ Марка, гл. XI, 23). „*Сего ради глаголю вамъ: вся, елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко пріемлете, и будетъ вамъ*“ (тамъ же, 24). Не даромъ народъ нашъ говоритъ: дѣтская молитва доходна къ Богу. Что идея о Богѣ доступна дѣтскому, если не разумѣнію, то сердцу, это, по нашему мнѣнію, несомнѣнно и изъ слѣдующихъ словъ Спасителя: „*Аще не обратитеся и будете яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное. Иже убо смирится яко отроча сіе, той есть велій во царствіи небеснѣмъ*“ (Еванг. отъ Матѳ. гл. XVIII, 3—4). „*Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко ангели ихъ выну видятъ лице отца моего небеснаго*“ (тамъ же, 10). Ангелъ ребенка, всегда видящій лице Отца нашего небеснаго, вѣруемъ, влагаетъ въ душу ребенка живой образъ Божій, такъ что ребенокъ скорѣе взрослаго уразумѣетъ сердцемъ чистымъ и смиреннымъ, „*яко очи Господни тмами темъ кратъ свѣтлѣйшіи солнца суть, прозирающіи вся пути человѣческія и разсматряющіи въ тайныхъ мѣстахъ. Прежде неже создана быша вся, увѣдѣна ему*“ (Кн. Премудр. Іисуса сына Сирахова гл. XXIII, 27—30).

Итакъ, отецъ и мать, смѣло и постоянно говорите ребен-

ку своему о Богѣ милосердомъ, всемогущемъ и всевѣдущемъ: ребенокъ воспріиметъ ваши слова и глубоко въ сердцѣ своемъ сохранитъ ихъ на всю жизнь. Помните: корень премудрости, *еже боятися Господа, и вѣтви ея долгоденствіе.* (Кн. Премудр. Іисуса сына Сирахова, гл. I, 20).

Родители желаютъ, конечно, чтобы ребенокъ ихъ былъ уменъ, а *„всякая премудрость отъ Господа и съ Нимъ есть во вѣкъ“* (Іис. сынъ Сирах., гл. I, 1). Потому-то и Соломонъ прежде всего и паче всего просилъ у Бога разума и премудрости. *„Сего ради помолихся, и данъ бысть мнѣ разумъ; призвахъ, и пріиде на мя Духъ премудрости. Предсудихъ ю паче скиптровъ и престоловъ и богатство ничто же вмѣнихъ къ сравненію тоя. Ниже уподобихъ ея каменю драгоцѣнному, яко все злато предъ нею песокъ малый, и яко брегіе вмѣнится предъ нею сребро“.* (Кн. Премудр. Соломона гл. VII, 8—10). Просите и вы, отецъ и мать, для ребенка своего разума и премудрости, которая предохранитъ его отъ всякаго зла и дастъ ему долгоденствіе.

Съ самаго начала слѣдуетъ вести ребенка систематически и строго, чтобы не его воля преобладала надъ волею отца и матери и руководила ихъ поступками, а наоборотъ, чтобы воля и приказанія отца и матери были закономъ для ребенка. Онъ долженъ привыкнуть безпрекословно повиноваться волѣ родителей, и всѣ свои поступки и дѣйствія сообразовать съ ихъ волею. Для этого нужно, чтобы руководила ребенка одна воля, чтобы онъ велся въ одномъ направленіи. А для этого совершенно необходимо, чтобы воля отца была и волею матери, чтобы приказаніе матери было и приказаніемъ отца, чтобы отнюдь не было ни малѣйшаго противорѣчія въ распоряженіяхъ отца и матери. Между отцемъ и матерью ребенка должно быть все заранѣе условлено относительно того, какъ вести дитя и чего отъ него требовать, и ихъ взаимное условіе должно быть свято всегда соблюдаемо. Главнымъ и непремѣннымъ правиломъ разумнаго воспитанія должно поставить

безпрекословное послушаніе ребенка отцу и матери. „*Сынъ бо быхъ и азъ отцу послушливый и любимый предъ лицемъ матере, иже глаголаша и учиша мя: да утверждается наше слово въ твоемъ сердцѣ: храни заповѣди, не забывай, стяжи премудрость, стяжи разумъ: не забуди, ниже презри реченія моихъ устъ, ниже уклонися отъ глаголъ устъ моихъ*". (Книга Притчей Соломоновыхъ гл. IV, 3—5). „*Слушай, сыне, отца твоего наказанія, да мудръ будеши въ послѣдняя твоя*". (Кн. Причт. Соломон. гл. XIX, 20). „*Чада, послушайте своихъ родителей о Господѣ: сіе бо есть праведно. Чти отца и матерь, яже есть заповѣдь первая въ обѣтованіи: да благо ти будетъ и будеши долголѣтенъ на земли*". (Ап. Пав. къ Ефес. гл. VI, 1—4). „Не должно исполнять прихоти дѣтей, говоритъ Локкъ, а слѣдуетъ прежде всего пріучить ихъ къ безусловному повиновенію, а потомъ, съ годами, къ свободѣ, такъ чтобъ они изъ послушныхъ дѣтей сдѣлались друзьями". Родители, которые изъ любви къ ребенку дозволяютъ ему все, что его душенькѣ угодно, которые хвалятся тѣмъ, что „дитя у насъ деспотъ въ домѣ, что хочетъ съ нами, то и дѣлаетъ", такіе родители угліе огненное собираютъ на главу свою и на главу своего ребенка. Себѣ они воспитываютъ деспота и мучителя, ребенку приготовляютъ самую плачевную участь. При первомъ шагѣ изъ роднаго дома ребенокъ, деспотъ родителей, рискуетъ получить не только противорѣчіе своей волѣ, но и прямое противодѣйствіе своимъ прихотямъ, а это для него—горе и слезы. И сколько горя и слезъ ждетъ такого ребенка въ его дѣтствѣ. Какое жалкое, несчастное существо выйдетъ изъ него впослѣдствіи! Много приходилось намъ, на своемъ вѣку, видѣть подобныхъ избалованныхъ родителями до-нельзя дѣтей. Они по истинѣ были печалью родителей и въ тягость себѣ самимъ. „*Конь неукротимый свирѣпъ бываетъ, и сынъ самовольный продерзъ будетъ*". (Кн. Премудр. Іисуса сына Сирахова гл. XXX, 8). За примѣрами далеко ходить нечего: они у всякаго передъ глазами: къ сожалѣнію, баловство родителей—не

рѣдкость. Избалованныя дома, дѣти и въ школу вносятъ нежелательные элементы. Они постоянно недовольны и начальниками, и учителями, и товарищами, жалуются родителямъ, которые, привыкши смотрѣть глазами и слышать ушами своихъ милыхъ дѣточекъ, подымаютъ иногда дымъ коромысломъ, всею силою своего несправедливаго негодованія обрушиваясь на мнимую виновницу,—школу, которая у нихъ всегда и во всемъ виновата, а дѣти ихъ правы. Не найдя школы по себѣ, баловни—юноши остаются недорослями весь свой вѣкъ и входятъ въ ряды такъ называемыхъ неудачниковъ, вредныхъ и для семьи, и для общества, и для государства.

Баловство дѣвочекъ принимаетъ еще иную, обусловливаемую поломъ, окраску. Кромѣ исполненія всѣхъ прихотей своей „красавицы дѣвочки“, баловники родители всѣ силы употребляютъ на то, чтобы понарядн̀ѣе, новычурн̀ѣе, поизящн̀ѣе одѣть своего милаго ребенка. Модные журналы перелистываются тщательно состоятельными родителями, подбираются лучшіе, подороже костюмы, болѣе выставляющіе на поглядѣнье бѣлое, нѣжное тѣльце ребенка, и въ такихъ костюмахъ ребенокъ вывозится на гулянья, на дѣтскіе вечера, елки, балы и даже въ театры, въ эту совершенно несоотвѣтствующую ему сферу, гдѣ нерѣдко бѣдный ребенокъ засыпаетъ въ своемъ богатомъ нарядѣ. Не понимаютъ, повидимому, родители, какимъ растлѣвающимъ путемъ ведутъ они воспитаніе своей любимой дѣвочки, какія вредныя сѣмена тщеславія, себялюбія, гордости, страсти къ непомѣрной роскоши влагаютъ они въ душу ребенка, отравляя тѣмъ жизнь его навсегда. „*Дщерь*, говоритъ Іисусъ сынъ Сираховъ (глава XLII—9), *отцу сокровенно бдѣніе, и попеченіе о ней отгоняетъ сонъ: въ юности своей да не когда презрѣетъ, и сожительствующи съ мужемъ да не когда возненавидна будетъ*“. Отгоняетъ ли отъ васъ сонъ, отцы и матери, сокровенное бдѣніе и попеченіе о дочеряхъ вашихъ? Или вы заботитесь лишь о томъ, какъ бы понарядн̀ѣе и пооткровенн̀ѣе одѣть ихъ?

Не отъ слабаго ли, потворствующаго дѣтямъ и съ младыхъ ногтей извращающаго ихъ воспитанія происходятъ тѣ безотрадныя явленія, которыя мы такъ часто видимъ въ настоящее время. Вотъ молодой человѣкъ, въ глазахъ всѣхъ, отъ всего, повидимому, сердца выражаетъ и взорами, и словами, и безпрестаннымъ прилежнымъ ухаживаніемъ любовь къ молодой дѣвицѣ,—и наконецъ успѣваетъ. Они уже обвѣнчались, не прошло года, у нихъ и дитя связываетъ ихъ союзъ. Полно, связываетъ ли? Къ сожалѣнію всѣхъ благомыслящихъ людей, молодой мужъ открыто оставляетъ жену и ребенка и поселяется въ номерахъ, безсовѣстно выставляя на двери занимаемаго имъ номера карточку со своей фамиліей и съ фамиліей дѣвицы, съ которою онъ близко сошелся. Что это такое? Не возмутительно ли такое открытое, напоказъ, какъ бы съ похвальбою, производимое нарушеніе святыхъ семейныхъ узъ?

Вотъ молодая женщина, супруга и мать нѣсколькихъ дѣтей, вдругъ, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, оставляетъ мужа единственно потому, что онъ не имѣетъ средствъ одѣвать ее богато, сообразно ея красотѣ, хлопочетъ о разводѣ, и вступаетъ въ бракъ съ человѣкомъ, который и лицемъ не красивъ, и умомъ не великъ, но за то богатъ. Ради нарядныхъ платьевъ и брилліантовъ, бросить мужа и дѣтей, отъ него навязаться на шею другому, богатому мужу—можно ли назвать этотъ поступокъ нравственнымъ?

Прискорбныя это явленія; существованіе ихъ обличаетъ нашу глубокую общественную язву, подтачивающую весь организмъ. Не воспитаніемъ ли порождается эта язва? Не воспитаніемъ ли неправильнымъ влагается въ души сыновей и дочерей легкомысліе, выходящее изъ предѣловъ, готовое на всяческія излишества? Тяжело вспоминать объ этой болѣзни нашего вѣка—о разрушеніи семьи, основы общества и государства. Можно ли не ожидать вредныхъ послѣдствій отъ ослабленія семейныхъ узъ, освящаемыхъ церковію, которая словомъ Апостола, приглашаетъ мужей: „*кійждо свою жену*

сице любитъ, якоже и себе", (Павл. къ Ефес. гл. V, 33), которая смотритъ на мужа и жену, какъ на едину плоть, и называетъ великою тайну брачнаго союза. „*Сего ради оставитъ человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей и будета два въ плоть едину*". (Павл. къ Ефес. V, 31—32). Основатель и Глава церкви христіанской, Господь нашъ Іисусъ Христосъ такъ отвѣчаетъ на вопросъ: „*аще достоитъ жену пустити:— Еже убо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ*" (Ев. отъ Марка гл. X, 9). „*Иже аще пуститъ жену свою и оженится иною, прелюбы творитъ на ню: и аще жена пуститъ мужа (своего) и посягнетъ за иного, прелюбы творитъ*". (Ев. отъ Марка гл. X, 11—12).

Христіанинъ, внемли слову Господа твоего, подумай и о грозномъ предостереженіи: „*А иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй*" (Ев. отъ Матѳ. гл. XVIII, 6).

Итакъ, ребенка слѣдуетъ наставлять и поучать, требуя отъ него послушанія и повиновенія. „*Наказуй*, говоритъ Соломонъ, *сына твоего, тако бо будетъ благонадеженъ*" (Кн. Притчей гл. XIX,—10). „*Воспитывайте чадъ въ наказаніи и ученіи Господни*". (Къ Ефес. гл. VI, 5).

Не позабывайте, родители, ежедневно, прощаясь вечеромъ съ дѣтьми, осѣнять ихъ крестнымъ знаменіемъ; не забывайте наблюдать, чтобы вашъ ребенокъ правильно и съ полнымъ благоговѣніемъ полагалъ на себя крестное знаменіе.

Въ ребенкѣ должно воспитывать хорошія привычки [1]). Ребенка слѣдуетъ пріучать къ простотѣ и воздержности.

---

[1]) О силѣ привычекъ такъ говоритъ французскій писатель Erckmann Chatrian въ Histoire d'un sous maitre: Les trois quarts et demi des hommes ne vivent que par habitudes; selon qu'ils ont pris ou reçu des habitudes bonnes ou mauvaises dans leur enfance.—habitudes d'agir, habitudes de penser, habitudes de raisonner ou de croire,—ils continuent de même sans interruption et sans pouvoir changer jusqu'à la fin de leurs jours. C'est l'habitude de l'enfance

Не могу не привести здѣсь выдержки изъ посмертныхъ записокъ Виктора Гюго о бесѣдѣ его съ королемъ Луи-Филиппомъ. „Она (г-жа де-Жанлисъ, воспитательница Луи-Филиппа), разсказывалъ король, воспитывала жестоко меня и сестру. Зиму и лѣто мы вставали въ 6 часовъ утра, питались только молокомъ, жареною говядиною и хлѣбомъ, никогда никакого лакомства, ничего сладкаго. Притомъ работы много, удовольствія никакого. Она же пріучила меня спать на голыхъ доскахъ и заставила научиться разнымъ ремесламъ, включая ремесло цирюльника. Я пускаю кровь не хуже Фигаро. Я и столяръ, и плотникъ, и конюхъ, и кузнецъ. Она была систематична и строга. Когда я былъ маленькимъ, то боялся ея. Я былъ мальчикъ слабый, лѣнивый и трусъ: боялся мышей. Она же сдѣлала изъ меня довольно смѣлаго и храбраго человѣка".

Выкинувъ жестокость, холодность, которая, впрочемъ, свойственна только чужой воспитательницѣ, а не воспитательницѣ—матери; выбросивъ спанье на голыхъ доскахъ, представляющее уже крайность, и замѣнивъ спаньемъ на матрасахъ, нельзя не отнестись сочувственно къ простой и трудовой жизни, къ которой пріучала г-жа де-Жанлисъ своего царственнаго воспитанника, къ систематичности и строгости воспитательницы.

Читая выписанныя строки изъ записокъ Виктора Гюго, невольно припоминаемъ наставленіе Іисуса, сына Сирахова, о воспитаніи сына: „*Угождаяй сыну обяжетъ струпы его, и о всякомъ вопли возмятется утроба его. Конь неукрощенъ свирѣпъ бываетъ; и сынъ самовольный продерзъ будетъ. Лас-*

---

qui fait les hommes laborieux ou fainéans, sobres ou ivrognes, dépensiers, économes, entreprenans, timides, honnêtes, gueux, francs, hypocrites, soumis, revoltés etc. Oui, c'est de l'habitude, que vient presque tout, car bien peu d'hommes ont le courage et la persevérance nécessaires pour changer leurs mauvaises habitudes, lorsqu'ils s'en apercoivent. Поэтому-то и слѣдуетъ себѣ усваивать путемъ воспитанія и образованія хорошія привычки, чтобы онѣ вошли въ плоть и кровь нашу, сдѣлались нашею второю природою.

кай чадо, и устрашитъ тя, играй съ нимъ, и опечалитъ тя, Не смѣйся съ нимъ, да не поболиши о немъ, и напослѣдокъ стиснеши зубы твоя“ (Кн. Премудр. Іисуса сына Сирахова, гл. XXX, 6—10).

Къ простой и умѣренной жизни пріучать ребенка слѣдуетъ, воспитаніе должно быть систематично и строго; но строгость должна быть растворяема любовью. А для этого необходимо, чтобы воспитаніе вела сама мать, которую материнское чувство не допуститъ до тѣхъ крайностей, до той жестокости, какую вводила воспитательница Луи-Филиппа въ свою систему воспитанія. Безъ любви правильное и раціональное воспитаніе ребенка не мыслимо: для ребенка теплая любовь нужна, какъ свѣтъ, какъ теплота нужны для каждаго. А такою любовью богата мать, которую сама природа назначила быть кормилицею и воспитательницею своихъ дѣтей.

V.

Дѣтская подражательность.

Вѣнецъ старыхъ чада чадъ; похвала же чадомъ отцы ихъ. (Кн. Притч. Соломон. гл. XVII, 6).

Молю же васъ, подобни мнѣ бывайте, яко же азъ Христу. (Къ Коринѳ. I гл. IV. 16).

Въ природѣ дѣтской самая выдающаяся черта—подражательность, желаніе подражать большимъ, даже играть роль большаго, дѣлать все, что большіе дѣлаютъ. На этой то чертѣ дѣтской натуры основывается то воспитательное положеніе, которое выражается латинскимъ изреченіемъ: Longum iter per præcepta, breve et efficax per exempla. (Длиненъ путь при посредствѣ наставленій, кратокъ и вѣренъ при посредствѣ примѣровъ). Дѣйствительно, одними словесными наставленіями не скоро добьетесь до желанныхъ результатовъ въ дѣлѣ воспитанія ребенка, да едва ли и добьетесь, какъ одними теоретическими правилами не научите ребенка писать правильно. Единственный и вѣрный путь воспитать ребенка—примѣръ родите-

лей и окружающихъ его. Примѣры научаютъ, а не одни правила. Ребенокъ зорко смотритъ, внимательно, хотя и незамѣтно наблюдаетъ и быстро перенимаетъ. Поэтому семейная жизнь должна быть устроена и идти такъ, чтобы она была хорошимъ образцемъ для ребенка; тогда и въ немъ мало по малу укоренятся добрые нравы и привычки, и на немъ отразится образъ дѣйствія родителей и окружающихъ его лицъ.—Опытъ показываетъ, что даже внѣшнія, мелкія привычки родителей, въ родѣ морганія глазами, сморщиванія носа, подергиванія плечами, усваиваются дѣтьми и нерѣдко остаются на всю жизнь. Понятно, что и болѣе крупныя, выдающіяся свойства и дѣйствія родителей входятъ въ привычку дѣтей, съ усердіемъ слѣдящихъ за каждымъ шагомъ отца и матери и всѣми силами старающихся подражать имъ. Памятенъ мнѣ одинъ случай: двухлѣтній мальчикъ, вслѣдствіе дурно сложившейся семейной жизни остававшійся совершенно безъ призора, смотрѣвшій дикимъ и неразвитымъ, большею частію молчавшій, а если и говорившій, то очень мало и несвязно, разъ, играя съ братомъ, вдругъ крѣпко ударилъ кулачкомъ по столу и закричалъ громко, выразительно, съ особенной интонаціей: „водки дай“. Слова эти онъ часто слышалъ отъ своего отца, прекраснаго, добраго, кроткаго человѣка, но страдавшаго запоемъ и въ это время бушевавшаго. Подражаетъ ребенокъ равно охотно и хорошему, и дурному. Видя, что мать и отецъ подаютъ просящему милостыню, онъ, при первомъ случаѣ, увидя бѣднаго, говоритъ: „папа, дай копѣечку подать бѣдненькому“. Привыкнувъ къ тому, что родители его ходятъ въ церковь каждый праздникъ, ребенокъ, какъ только услышитъ ударъ въ колоколъ, бѣжитъ къ отцу или къ матери и кричитъ: „пойдемъ ко всенощной (или къ обѣднѣ),—звонятъ“, при чемъ не позабудетъ попросить копѣечку въ тарелочку положить. Присущею ребенку подражательностію съ одной стороны облегчается, съ другой и не мало затрудняется дѣло воспитанія. Повидимому, стоитъ только родителямъ такъ устроить жизнь въ семьѣ,

чтобы ихъ ребенокъ видѣлъ и усвоивалъ лишь добрые, нравственные примѣры,—и воспитаніе пойдетъ быстро, успѣшно; самъ ребенокъ безсознательно своею подражательностію будетъ помогать родителямъ, какъ такъ-же безсознательно, по инстинкту, своимъ движеніемъ онъ помогалъ матери при своемъ рожденіи. Но легко сказать: слѣдуетъ устроить семейную жизнь такъ, чтобы ребенокъ видѣлъ лишь добрые, достойные подражанія примѣры, такъ, чтобы отецъ и мать могли сказать своему дитяти: „*Даждь ми, сыне, твое сердце, очи же твои моя пути да соблюдаютъ*“ (Кн. Притч. Соломон., гл. XIII—26); а какъ трудно въ дѣйствительности достигнуть этого семейнаго совершенства. Какое строгое, неуклонное, ежеминутное самонаблюденіе требуется отъ родителей, чтобы не погрѣшить въ присутствіи ребенка ни единымъ словомъ, ни единымъ движеніемъ, чтобы не подать ему ни малѣйшаго соблазна. Если даже отецъ и мать добросовѣстно, въ предстоявшій передъ рожденіемъ ребенка 9-ти мѣсячный искусъ, готовились къ принятію дорогого маленькаго гостя и многое въ себѣ самихъ исправили и улучшили путемъ самовоспитанія; то за ними стоятъ длинные годы протекшей жизни, въ нихъ лежатъ иногда несмываемые слѣды ихъ собственнаго, далеко не столь обдуманнаго, какъ слѣдуетъ, воспитанія. Это прошлое порою можетъ обнаруживаться и при ребенкѣ и оставлять въ душѣ его недобрый слѣдъ, а ребенокъ все видитъ, все слышитъ даже тогда, когда, повидимому, не смотритъ и не слушаетъ. Положимъ даже, что отецъ и мать ребенка съ такимъ тщаніемъ будутъ слѣдить за своими словами и дѣйствіями, что будутъ подавать своему дитяти примѣры, дѣйствительно достойные подражанія. Но въ семьѣ, кромѣ отца и матери, могутъ быть другія лица—бабушки, дѣдушки, братья или сестры отца или матери, наконецъ, прислуга. Вотъ отъ этихъ то постороннихъ вліяній какъ оградить ребенка? Какъ уберечь его отъ впечатлѣній и примѣровъ внѣ дома, въ сообществѣ съ другими дѣтьми? Единственное средство сохранить ребенка подъ руководствомъ отца.

и матери и уберечь отъ постороннихъ, нерѣдко вредныхъ вліяній,—имѣть его по возможности постоянно на глазахъ, а для этого, конечно, требуется отреченіе не только со стороны матери, но и отца, отъ развлеченій и удовольствій внѣ дома, посвященіе себя на первыхъ порахъ всецѣло дому и ребенку и кромѣ того окруженіе себя лицами испытанной честности и нравственности, которыя, если не могутъ научить и наставить ребенка словомъ и примѣромъ, то по крайней мѣрѣ и не испортятъ его.

Наблюденіе за ребенкомъ и сохраненіе его нравственной чистоты преимущественно, конечно, лежитъ на обязанности матери, такъ какъ отецъ часто отвлекается службою или другими занятіями, которыми онъ пріобрѣтаетъ средства для жизни семьи. Мать естественная воспитательница своихъ дѣтей. На ней лежатъ всѣ обязанности по воспитанію ребенка, на нее ложится и нравственная отвѣтственность. Отецъ долженъ помогать ей въ дѣлѣ воспитанія, по мѣрѣ силъ и возможности, и въ свободное отъ занятій время не оставлять ее одну коротать часы съ ребенкомъ, не давать ей повода отвлекаться отъ заботъ о ребенкѣ безпокойствомъ о мужѣ.

Какъ устраивается жизнь въ хорошей русской семьѣ?

Еще когда ребенокъ въ колыбели, онъ видитъ ежедневно отца и мать предъ образомъ молящихся и дѣлающихъ крестное знаменіе. Какъ только ребенокъ проявляетъ сознаніе, мать пріучаетъ его складывать пальцы для крестнаго знаменія и молиться, причемъ немногосложныя слова дѣтской молитвы произноситъ сама мать, пока ребенокъ не заучитъ этихъ словъ.

„Въ этомъ, главнымъ образомъ, періодѣ дѣтской жизни полагается начало божественнаго чувства и молитвъ. Это также происходитъ путемъ подражанія, но возбуждающая религіозно-молитвенная сила родственнѣе для души ребенка, доступнѣе и дѣйствительнѣе. Нужно только, чтобы божественное и религіозное чувство въ ребенкѣ возбуждалось дѣйствительнымъ, искреннимъ, изъ глубины души исходящимъ религіоз-

нымъ чувствомъ и расположеніемъ взрослыхъ, ибо чѣмъ глубже и сильнѣе эти чувства и расположенія, тѣмъ явственнѣе выразятся они въ голосѣ и положеніи лицъ". (Н. И. Ильминскій. Бесѣды о народной школѣ).

День въ хорошей семьѣ начинается и оканчивается молитвою. Молятся отдѣльно каждый, мать всегда въ спальнѣ, въ присутствіи ребенка, который, если онъ первый, спитъ въ спальнѣ родителей, чтобы мать могла слышать каждый крикъ дитяти.

Въ старое время въ русскихъ семействахъ утренняя и вечерняя молитва совершалась цѣлою семьею, и домочадцы (прислуга) участвовали въ общей молитвѣ. Читалъ молитву отецъ семейства. Начиналась молитва моленіемъ о Царѣ и Царской семьѣ. Хорошій и трогательный то былъ обычай, соединявшій и хозяевъ, и слугъ въ одну семью, ежедневно молившуюся о Царѣ и о мирномъ, безмятежномъ жительствѣ. Нельзя не пожалѣть, что усложненіе семейной жизни повело къ отмѣнѣ этого патріархальнаго обычая—общей молитвы, совершавшейся съ подобающимъ благочиніемъ и благоговѣніемъ.

Передъ праздникомъ отецъ и мать идутъ въ церковь ко всенощной, а во время праздника къ обѣднѣ. Когда ребенокъ начинаетъ ходить, его тоже берутъ съ собою въ церковь. Такимъ образомъ, постепенно воспитывается любовь къ церкви православной, нашей „воспитательницѣ и руководительницѣ", духомъ которой мы, по словамъ преосвященнѣйшаго Харьковскаго Амвросія, (Слово въ день тезоименитства Государя Императора, за Августъ 1888 года) „крѣпки", „въ ея указаніяхъ и наставленіяхъ имѣемъ свѣтлый, чистый, истинный идеалъ могущественнаго и благоустроеннаго народа".

Каждая семейная трапеза начинается и оканчивается молитвою,—наложеніемъ на себя крестнаго знаменія. Въ послѣднее время это, къ прискорбію, считается излишнимъ; на публичныхъ обѣдахъ только одно духовенство наше свято соблюдаетъ этотъ исконный обычай старины.

Ребенка слѣдуетъ пріучать къ умѣренной пищѣ. Само собою разумѣется, что родители должны ему подавать примѣръ умѣренности. Неумѣренность и пристрастіе къ излишествамъ развили столь распространенную въ настоящее время жажду къ пріобрѣтенію во что бы то ни стало. Мы не можемъ быть довольны малымъ, намъ все подавай больше и больше. Отсюда преобладаніе меркантилизма. Воспитаніе должно подавлять эти алчные инстинкты, или вѣрнѣе, вовсе не возбуждать ихъ въ ребенкѣ. А къ этому вѣрнѣе всего ведетъ пріученіе дитяти къ простой, воздержной, умѣренной жизни.

Давать ребенку деньги на сласти или на какія-нибудь зрѣлища, по нашему мнѣнію, совершенно непедагогично. Можно и должно давать ребенку для двухъ цѣлей—положить въ тарелочку въ церкви и подать бѣдному, а когда онъ подростетъ—на хорошія книги. Хорошая книга лучшій и наиболѣе цѣлесообразный подарокъ въ день ангела и въ день рожденія: подаренная книга возбуждаетъ желаніе прочитать ее, а прочтеніе книги принесетъ пользу несравненно большую, чѣмъ даримыя обыкновенно дѣтямъ сласти и игрушки.

Пріученіе къ сладостямъ не заслуживаетъ одобренія: сладости вредятъ желудку и составляютъ излишество, котораго должны избѣгать благоразумные родители. Зналъ я одну мать, которая сама очень любила сладкое и дѣтямъ своимъ каждый день давала „посластиться“. Ея младшій сынокъ съ самаго начала имѣлъ отвращеніе къ сладкому. И что же? она до того усердно потчивала малютку, что наконецъ пріучила, и онъ сдѣлался страстнымъ сластеной, такъ, что такъ и смотрѣлъ, гдѣ бы и чѣмъ бы, говоря языкомъ матери, посластиться.

Время между молитвою и трапезою должно быть посвящено труду: отецъ занимается своимъ дѣломъ, мать своимъ. Ни отецъ, ни мать не проводятъ время въ праздности. Свободное отъ занятій время отдыха—прогулкѣ и чтенію. Любовь родителей къ труду и чтенію благотворно дѣйствуетъ на ребенка, который будетъ въ первое время дѣлать то же изъ

подражанія, а потомъ трудъ и чтеніе обратятся ему въ привычку, сдѣлаются его второю природою, предохраняя его отъ пустыхъ и вредныхъ развлеченій. Чтеніе разовьетъ его умъ и обогатитъ его знаніями.

Въ число работъ матери входятъ и работы для бѣдныхъ. Посильная помощь бѣднымъ, забота о нихъ служатъ къ смягченію сердца ребенка, который, видя оказываемую родителями помощь бѣднякамъ, безмолвно, но крѣпко впитываетъ въ себя самое лучшее христіанское чувство—милосердіе.

Никогда ни отецъ, ни мать не позволяютъ себѣ осуждать другихъ и говорить о другихъ худо въ присутствіи ребенка. Никогда не позволяютъ себѣ читать вслухъ такія произведенія, которыя могутъ соблазнять дитя. Въ этомъ случаѣ, да не утѣшаютъ себя родители тою мыслію, что ребенокъ малъ, не пойметъ. Многое можетъ понимать ребенокъ не умомъ, а тонкимъ дѣтскимъ чутьемъ, сердцемъ.

Не можемъ не разсказать нашей собственной ошибки, сдѣланной нами при обученіи письму—чтенію нашего пятилѣтняго сынка. Когда онъ сталъ уже довольно хорошо разбирать и могъ читать связно, мы взяли для упражненія въ чтеніи первую попавшуюся намъ въ руки книгу и взяли именно стихотворенія Пушкина, чтобы привлечь ребенка изяществомъ и красотою стиха. Намъ открылась поэма „Цыгане“, и мы, ничто же сумняся, увѣренные, что въ тонкости мысли ребенокъ входить не въ состояніи, заставили его читать. Когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ Земфира, пропѣвъ пѣсню:

«Старый мужъ, грозный мужъ,
Презираю тебя.
Я другого люблю,
Умираю любя»,

спрашиваетъ Алеко:

Такъ понялъ пѣсню ты мою?

и на его восклицаніе „Земфира!“ прибавляетъ:

«Ты сердиться воленъ,—
Я пѣсню про тебя пою»,

нашъ малютка вдругъ заволновался и спросилъ насъ: „Папа, она шутитъ это?“ Читай дальше, говорю я. Прочитавъ то мѣсто, гдѣ Земфира измѣняетъ своему мужу, мой мальчикъ совершенно возмутился: „Скверная какая“, проговорилъ онъ съ сердцемъ и оттолкнулъ книгу. Тогда только мы поняли, что сдѣлали непростительную ошибку, давъ ребенку чтеніе не по лѣтамъ.

Вообще, какъ при выборѣ сказокъ и разсказовъ, такъ и при выборѣ перваго чтенія, нужно соблюдать большую осторожность. Не всякая сказка, не всякій разсказъ и не всякое стихотвореніе хорошо для ребенка. Осторожно нужно выбирать сюжетъ для разсказа и чтенія, потому что ребенокъ очень любитъ слушать и разсказъ, и чтеніе, весь обращается въ слухъ и вѣрно и живо схватываетъ суть разсказа и прочитанной статьи. Весьма занимаютъ ребенка разсказы изъ жизни дѣтей; даже описаніе собственной ихъ обстановки и жизни дѣти выслушиваютъ весьма охотно и не скучаютъ повтореніями одного и того же. Слушаетъ ребенокъ разсказъ про себя самого и фотографическое описаніе своей обстановки, слушаетъ внимательно и оглядываетъ свою комнату и по временамъ приговариваетъ „такъ“, или повторяетъ названіе предмета, о которомъ идетъ рѣчь.

Съ большимъ удовольствіемъ выслушиваютъ дѣти разсказы изъ священной исторіи. Жизнь Іосифа, проданнаго братьями иноземнымъ купцамъ, производитъ на ребенка сильное впечатлѣніе, иногда вызываетъ слезы. Не подумайте утѣшать его такими, якобы приноровленными къ дѣтскому возрасту, утѣшеніями: „Не плачь, я скажу братьямъ, чтобъ они не продавали Іосифа“. На это вы рискуете получить такой отвѣтъ: „Да, какъ же! Кому ты скажешь, книгѣ-то“?

Чрезвычайно интересуютъ ребенка разсказы басенъ. Былъ я свидѣтелемъ, какъ мать разсказывала своему трехлѣтнему мальчику басню Крылова: „Фортуна и Нищій“. Ребенокъ слушалъ съ увлеченіемъ, у него духъ захватывало при разсказѣ

о томъ, какъ нищій при каждой новой горсти золота, которую Фортуна всыпала въ его суму, все просилъ прибавить еще горсточку, хотя зналъ, какія пагубныя послѣдствія могутъ быть отъ переполненія сумы тяжелымъ золотомъ: Фортуна объявила нищему, что она будетъ класть въ суму золота, сколько онъ ни попроситъ, но что если сума прорвется, то все пропадетъ, и онъ опять останется бѣдненькимъ, нищимъ. Не смотря на это предстереженіе, нищій все просилъ: „прибавь еще горсточку". При каждой такой просьбѣ нищаго, ребенокъ горестно вскрикивалъ: „Опять! Экій какой!" Очевидно, онъ боялся за нищаго, чтобъ не прорвалась его сума. А нищій продолжаетъ опять свое, разсказываетъ мать: прибавь еще горсточку. „Экій какой! Ну, а она?"—Она еще всыпала горсть золота. „Ну? А нищій?... Опять запросилъ?" волнуется ребенокъ.—Да, нищій снова: прибавь еще горсточку.—„А она"?—Она всыпала еще горсть золота... а сума-то и прорвалась; „ну вотъ!", воскликнулъ ребенокъ. И сколько горечи, сколько неподдѣльнаго, искренняго сочувствія къ нищему было въ томъ дѣтскомъ восклицаніи.

Разумно веденные разсказы и чтеніе приносятъ ребенку громадную пользу, а возбужденная въ годы дѣтства любовь къ чтенію дѣлается драгоцѣннымъ достояніемъ всей жизни человѣка.

Въ присутствіи ребенка, въ первые особенно годы, слѣдуетъ рѣшительно избѣгать пировъ, соединенныхъ съ попойкой и картежной игрой. Нѣтъ ничего вреднѣе, какъ, ради удовлетворенія прихоти ребенка, желающаго подражать большимъ, давать ему пить наливки, доппель-кюммелю, крѣпкаго вина. Къ питью пріучиться легко, но отстать отъ него трудно, а когда страсть къ спиртнымъ напиткамъ овладѣетъ человѣкомъ, то онъ становится рабомъ своей страсти и теряетъ мало-по-малу лучшія человѣческія чувства. „*Въ винѣ*, говоритъ Іисусъ, сынъ Сираховъ (Кн. Премудр. гл. XXXI, 29), *не мужайся, многихъ бо погуби вино*". Отъ такого огненнаго напитка слѣдуетъ всячески остерегать дѣтей, чтобы не сжегъ

ихъ огонь. „*Не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ*“ (Павла къ Ефесеямъ гл. V, 18). „*Всякъ бо піяница и блудникъ обнищаетъ и облечется въ раздранія и въ рубища всякъ сонливый*“ (Кн. Притч. Соломон. гл. XXIII, 21).

Къ картежной игрѣ тоже пріучать дѣтей не слѣдуетъ, ни къ коммерческой, ни къ азартной: нѣтъ времяпрепровожденія болѣе безсмысленнаго, какъ игра въ карты. И сколько на нее теряется времени, которое, употребленное съ пользою, послужило бы къ значительному возвышенію нравственности, благосостоянія и богатства народнаго.

Отецъ и мать смѣло могутъ выказывать взаимную любовь другъ къ другу предъ лицомъ ребенка. Это и поучительно и даже пріятно дитяти, которое часто, по собственному влеченію, соединяетъ руки отца и матери, сближаетъ ихъ головы, обнимаетъ ихъ дѣтскимъ сердечнымъ объятіемъ, цѣлуетъ попеременно то одного, то другого. Дитя съ веселымъ, радостнымъ смѣхомъ смотритъ на взаимныя ласки отца и матери. Видно, что такое отношеніе родителей другъ къ другу ему по душѣ. Напротивъ, недобрыя, или, чего Боже сохрани, враждебныя отношенія нагоняютъ недѣтскую грусть на лицо ребенка, отравляютъ его дѣтское спокойствіе и беззаботность.

Доброта, скромность, вѣжливость и другія хорошія качества передаются ребенку въ наслѣдіе и утверждаются въ немъ путемъ подражанія родителямъ, тоже замѣчаемъ мы и съ обратными качествами.

Старательно должны сдерживать себя отецъ и мать, если кто-либо изъ нихъ слишкомъ боится грозы, коровъ, собакъ, кошекъ, мышей и т. п.: эта боязнь очень легко переходитъ и въ дѣтей. И часто мы видимъ въ одной семьѣ дѣтей смѣлыхъ и трусливыхъ: къ первымъ перешла смѣлость отъ отца, ко вторымъ боязливость и трусость отъ матери. А такая перешедшая по наслѣдству или усвоенная подражаніемъ трусость иногда ставитъ взрослаго человѣка въ пренепріятное положеніе.

Одинъ храбрый и предпріимчивый полковникъ, пріобрѣтшій себѣ литературную и политическую извѣстность, въ одномъ домѣ, при разговорѣ объ очень важномъ предметѣ, вдругъ поблѣднѣлъ, затрясся и, съ дрожью въ голосѣ, спросилъ хозяина: „у васъ есть кошка?!“ Да, отвѣчаетъ удивленный такимъ неожиданнымъ и неумѣстнымъ вопросомъ хозяинъ, есть маленькій котенокъ. „Ради Бога, умоляю васъ, прикажите его убрать... Если я его увижу... со мной обморокъ сдѣлается“.

А сколько примѣровъ боязни предъ грозою, боязни, доходящей до странностей. Одинъ педагогъ ветеранъ, строгій и стойкихъ правилъ, до того боялся грозы, что нарочно устроилъ себѣ спальню во внутренней, совершенно темной комнатѣ, куда и уходилъ онъ стремительно при первомъ ударѣ грома, ложился въ постель и укрывалъ голову подушками. Въ такомъ положеніи оставался онъ во все время грозы.

Воспитаніе можетъ смягчить и даже совершенно уничтожить наслѣдственную боязнь. Припомнимъ слова Луи-Филиппа: „Я былъ мальчикъ слабый, лѣнивый и трусъ: боялся мышей. Она (его воспитательница г-жа де-Жанлисъ) сдѣлала изъ меня довольно смѣлаго и храбраго человѣка“. Вся тайна этого воспитанія заключалась въ двухъ словахъ—систематичность и строгость.

Въ чемъ же состоитъ строгость воспитанія, не въ наказаніяхъ ли?

VI.

Наказанія, награды, похвалы, порицанія, ласки.

Не престай младенца наказывати; аще бо жезломъ біеши его, не умретъ (имя того). Ты бо побіеши его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти. (Кн Притч. Соломона, гл. XXIII. 13—14).

Наше старое воспитаніе, которое изложено въ Домостроѣ и которое до сего времени имѣетъ силу въ крестьянскомъ быту, опирается на наказаніи, не въ смыслѣ древнемъ-поученія,

а въ смыслѣ нанесенія боли тѣлесной. Въ Домостроѣ дословно приводятся слова изъ книги премудрости Іисуса, сына Сирахова, а въ книгѣ премудрости Іисуса, сына Сирахова, говорится такъ: „*Любяй сына своего участитъ ему раны, да возвеселится въ послѣдняя своя. Наказуяй сына своего насладится о немъ, и посредѣ знаемыхъ о немъ похвалится. Учай сына своего раздражитъ врага, и передъ други о немъ возрадуется. Умре отецъ его, и аки неумре: подобна бо себе остави по себѣ*“. (гл. XXX. 1—5). „*Угождаяй сыну обяжетъ струпы его, и о всякомъ вопли возмятется утроба его. Конь неукрощенъ свирѣпъ бываетъ, и сынъ самовольный продерзъ будетъ. Ласкай чядо,—и устрашитъ тя, играй съ нимъ,—и опечалитъ тя. Не смѣйся съ нимъ, да не поболиши о немъ, и напослѣдокъ стиснеши зубы твоя. Не даждь ему власти съ юности и не презри невѣдѣнія его. Сляцы выю его съ юности и сокруши ребра его, донележе младъ есть, да не когда ожестѣвъ, не покориттися*“ (гл. XXX, 7—13).

Соломонъ въ книгѣ притчей также совѣтуетъ наказывать младенца: „*Безуміе виситъ на сердцѣ юнаго, жезлъ же и наказанье далече (отгонитъ) отъ него*“ (гл. XXII, 16). „*Не преставай младенца наказывати: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ (отъ него). Ты бо побіеши его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти*“ (XXIII, 13—14).

Не только древняя педагогика, но и позднѣйшая сильно стояла за розгу и вообще за наказаніе тѣлесное. Тротцендорфъ (1490—1556) въ третьемъ школьномъ законѣ, въ числѣ наказаній указываетъ розгу. И Лютеръ не хвалитъ родителей, щадящихъ тѣло своихъ учениковъ. Лютеръ, называвшій Соломона истинноцарственнымъ школьнымъ учителемъ, такъ говоритъ. „Но ложная кровная любовь (Naturliebe) ослѣпляетъ родителей, такъ что они болѣе щадятъ тѣло (das Fleisch) своихъ дѣтей, чѣмъ душу“.

Мы очень хорошо помнимъ бесѣду нашу за границей съ германскими педагогами въ 1862 году. Они съ похвалою отзы-

вались о проектѣ устава гимназіи, составленномъ при министрѣ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинѣ, но рѣшительно всѣ были противъ отмѣны тѣлеснаго наказанія. По ихъ мнѣнію, такъ какъ дѣти имѣютъ душу и тѣло, то, дѣйствуя на душу, не нужно забывать и тѣло, и отъ времени до времени закрѣплять нравственныя внушенія тѣлесною болью, иначе придется многихъ выгонять изъ учебныхъ заведеній. Къ сожалѣнію, опасенія германскихъ педагоговъ оправдались: розги изгнаны изъ нашихъ гимназій, но въ то же время изгонялись цѣлыми десятками ученики, даже младшихъ классовъ, такъ что родителямъ пришлось жалѣть объ изгнаніи розги. Мы лично такъ много видѣли злоупотребленій при употребленіи тѣлеснаго наказанія въ школахъ, что рѣшительно стояли за уничтоженіе этого наказанія въ учебныхъ заведеніяхъ и теперь стоимъ. Исключенія учениковъ десятками, имѣвшія мѣсто въ послѣднія 20 лѣтъ, мы приписываемъ не уничтоженію тѣлеснаго наказанія, а другимъ причинамъ, о которыхъ когда нибудь поговоримъ отдѣльно.

Въ Германіи въ 1862 году намъ случалось даже въ дѣтскихъ садахъ видѣть, какъ дѣтскія садовницы (Kindergärtnerinnen) давали колотушки дѣтямъ; а въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ присутствіи нашемъ, учитель географіи безъ церемоніи отвѣсилъ ударъ кулакомъ по спинѣ ученика за то, что онъ при перечисленіи самостоятельныхъ мелкихъ германскихъ государствъ пропустилъ одно изъ нихъ.

Въ нашемъ домашнемъ воспитаніи въ большинствѣ тѣлесное наказаніе существуетъ въ видѣ розги, или въ видѣ дранья за уши, за волосы, ударовъ по щекѣ, по рукамъ и т. п. Можно съ увѣренностію сказать, что семьи, въ которыхъ ребенка и пальцемъ не тронутъ, рѣдкость и могутъ, по справедливости, считаться исключеніемъ изъ общаго правила.

Представляется вопросъ: слѣдуетъ ли допускать тѣлесное наказаніе въ домашнемъ воспитаніи съ дѣтьми до школьнаго возраста?

Присматриваясь къ дѣтямъ, мы замѣчаемъ, что ребенокъ, для котораго достаточно одного нравственнаго воздѣйствія, чуть ли не составляетъ исключенія, и вспоминаются слова Соломона: *Безуміе виситъ на сердцѣ юнаго*; такъ что страхъ наказанія едва ли не необходимая принадлежность строгаго воспитанія.

При систематичности и благоразумной строгости воспитанія, растворяемой любовію, можетъ быть, и придется ограничиться страхомъ наказанія, что, конечно, и желательно.

Если и допустить въ домашнемъ воспитаніи тѣлесное наказаніе, то лишь какъ необходимое зло, въ самыхъ рѣдкихъ и крайнихъ случаяхъ, примѣнять его не въ минуту вспышки гнѣва на ребенка, и любовію смягчать наказаніе.

Въ Новомъ Завѣтѣ мы читаемъ уже такія указанія относительно обращенія съ дѣтьми. „*И вы, отцы, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни*“ (Къ Ефес. гл. VI, 4). „*Отцы, не раздражайте чадъ вашихъ, да не унываютъ*“. (Къ Колос. гл. III, 21).

Самая любовь родительская не допуститъ родителей до жестокой ручной расправы надъ родными дѣтьми. Такая расправа поэтому является только какъ печальное исключеніе, и преимущественно въ такихъ семьяхъ, гдѣ отецъ и мать расправляются съ ребенкомъ тотчасъ подъ вліяніемъ гнѣва и личнаго раздраженія. Родительская любовь влечетъ къ снисхожденію, къ тихости, къ мягкости, и самый гнѣвъ, растворенный любовію родительскою, почти всегда чуждъ жестокости. Наказывать дѣтей должно не иначе, какъ съ кротостію, чтобы они видѣли, что наказующая рука милуетъ ихъ, что и въ наказаніи проявляется теплота сердечная. Наказаніе ребенка, производимое не съ гнѣвомъ и яростію, а съ печалію и тихостію, дѣйствуетъ вдвое сильнѣе и оставляетъ въ наказываемомъ ребенкѣ не ожесточеніе, а раскаяніе въ проступкѣ, поведшемъ къ наказанію. А чтобы такъ наказывать, необходимо дать время остыть гнѣву на ребенка, а отнюдь не приступать къ наказанію въ раздраженіи.

Какъ и чѣмъ наказывать? Конечно, не палкой, не такимъ оруліемъ, которымъ можно причинить ребенку вредъ, не кулакомъ, употребленіе котораго уже указываетъ на раздраженіе и гнѣвъ. Слѣдуя совѣту Домостроя, ни по уху, ни по видѣнью (т. е. по глазамъ) не бить, не бить также по головѣ, такъ какъ отъ такихъ ударовъ можетъ быть поврежденъ слухъ, зрѣніе и нанесенъ вредъ не только тѣлесному здоровью, но и умственнымъ способностямъ.

Во всякомъ случаѣ къ тѣлесному наказанію нужно прибѣгать какъ можно рѣже: часто употребляемое тѣлесное наказаніе притупляетъ чувствительность и теряетъ силу. Тѣлесное наказаніе не должно производить при другихъ, это непремѣнное правило,

Честь и слава родителямъ, которые постоянною бдительностію надъ своимъ ребенкомъ, постоянною твердостію и строгостію, *соединенною съ любовію, постоянною справедливостію* и разумною требовательностію достигнуть того, что ребенокъ будетъ послушенъ и исполнителенъ, и въ тѣлесномъ наказаніи ни разу не представится надобности. Избаловать ребенка и безъ всякаго наказанія легко, но воспитать какъ слѣдуетъ, въ страхѣ и ученіи Господни, великое и нелегкое дѣло, заслуживающее полнаго уваженія и могущее быть признаннымъ идеаломъ воспитанія.

Много нужно ума, твердости характера и умѣнья владѣть собою, а главное много нужно любви, чтобы если не достигнуть идеала воспитанія, то хоть приблизиться къ нему. По нашему, идеалъ воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы воспитать ребенка послушнымъ, нравственнымъ, честнымъ, добрымъ и религіознымъ, и во время воспитанія не только не допускать тѣлеснаго наказанія, въ какомъ бы то видѣ ни было, хоть бы оно даже заключалось въ стояніи на колѣняхъ, но и грубаго, оскорбительнаго слова, которое тяжело падаетъ на душу оскорбленнаго ребенка и оставляетъ въ ней недобрый слѣдъ.

„*Слово жестоко воздвизаетъ гнѣвы*“, говоритъ Соломонъ

(Кн Притч. Соломон. гл. XV, 1). Иное слово оскорбитъ сильнѣе удара. „*Суть иже глаголюще уязвляютъ яко мечи*“. (Кн. Притч. Соломон. гл. XII, 18). И нестолько оскорбляетъ и уязвляетъ бранное слово, во гнѣвѣ сказанное, сколько злая и холодная насмѣшка. Грубыхъ и оскорбительныхъ словъ родители должны избѣгать и потому, что такія слова раздражаютъ дѣтей и портятъ ихъ характеръ, и потому, что дѣти, по своей переимчивости скоро усваиваютъ эти слова. Стоитъ пожить въ деревнѣ, чтобы убѣдиться, какъ скверная руготня родителей усваивается дѣтьми: мальчики 5—6 лѣтъ ругаются между собою тою скверною бранью, которая, къ сожалѣнію, такъ часто употребляется русскимъ народомъ. что ей придается даже названіе „русской брани“. Если бы родители и вообще взрослые не ругались такъ при дѣтяхъ, изъ уваженія къ ихъ чистотѣ и невинности, такъ эта брань не переходила бы изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ нѣчто унаслѣдованное отъ отцевъ и дѣдовъ. Что Іисусъ, сынъ Сираховъ, говоритъ относительно сына наказаннаго, т. е. воспитаннаго въ страхѣ Божіемъ, то же можетъ быть примѣнено къ сыну, которому дурная жизнь и дурное слово отца постоянно служили соблазнительнымъ примѣромъ: „*умре отецъ его и аки не умре: подобна бо себѣ остави по себѣ*“ (Кн. Премудр. Іисуса, сына Сирахова гл. XXX, 4). Какъ добрыя и хорошія дѣти утѣшеніе и слава родителей, такъ и честные, хорошіе родители—отрада и честь для дѣтей. „*Вѣнецъ старыхъ чада чадъ*, говоритъ Соломонъ, *похвала же чадомъ отцы ихъ*. (Кн. Притч. Соломон. гл. XVII, 6).

Признавая тѣлесное наказаніе необходимымъ зломъ, которое можно допускать лишь въ крайнихъ случаяхъ и безъ котораго лучше было бы обходиться при воспитаніи, такъ какъ тѣлесное наказаніе—орудіе обоюдоострое, приносящее и пользу и вредъ, смотря потому, кѣмъ, съ кѣмъ, когда и какъ оно употребляется; признавая, что грубыя, оскорбительныя слова и особенно злая, ядовитая насмѣшка должны быть совершенно выкинуты, какъ пособія при воспитаніи, — мы вмѣстѣ съ

тѣмъ не можемъ не обратить вниманія родителей и на награды и похвалы, на которыя иные родители смотрятъ, какъ на полезнѣйшее орудіе воспитанія, и излишествомъ которыхъ нерѣдко злоупотребляютъ.

По нашему мнѣнію, награды не должны имѣть мѣста въ системѣ домашняго воспитанія, мы не въ состояніи даже понять, какой такой особенный, исключительный, заслуживающій награды подвигъ можетъ сдѣлать ребенокъ? Если онъ любитъ отца и мать и, покоряясь голосу любви, старается дѣлать все, что пріятно и угодно родителямъ, то за это съ избыткомъ награждаетъ его любовь матери и отца, заботливо охраняющая его дѣтскіе годы. Если онъ кротокъ, послушенъ, съ готовностью исполняетъ приказанія отца и совѣты матери, то это плоды той же дѣтской любви, которая смотритъ въ глаза родителямъ, угадываетъ ихъ желанія и спѣшитъ исполнять ихъ. Награждать какими-нибудь матеріальными наградами за эти проявленія любви умѣстно ли? И чѣмъ награждаютъ дѣтей? Дорогими игрушками. Дѣтямъ, какъ показываетъ опытъ, такія игрушки доставляютъ лишь минутное удовольствіе, а затѣмъ забываются, ломаются..: И гдѣ награда?... Въ какомъ жалкомъ видѣ! Награждаютъ дѣтей лакомствами. Это одинъ изъ самыхъ вредныхъ способовъ наградъ: лакомства портятъ ребенку и зубы, и желудокъ, и даже отчасти нравственность, дѣлая его лакомкой, сластеной. Награждать деньгами, какъ дѣлаютъ иные родители, самый вредный видъ награды, воспитывающій въ дѣтяхъ мысль, что за хорошій поступокъ, въ родѣ ли выучки наизусть даннаго стихотворенія, усвоенія евангельскаго разсказа, рѣшенія заданной задачи, непремѣнно слѣдуетъ денежная награда. Привыкнувъ въ дѣтствѣ ждать награды или платы за каждый исполненный долгъ, за каждое хорошее дѣло, онъ впослѣдствіи не будетъ ли ждать платы за каждый свой шагъ? Не воспитываются ли такими наградами люди, стремящіеся, въ продолженіе всей своей жизни, пріобрѣтать и пріобрѣтать? Не усилится ли этимъ способомъ воспитанія и безъ

того сильно развитая въ настоящее время страсть къ стяжанію во что бы то ни стало, страсть пагубная, замораживающая всѣ теплыя побужденія души?

Лучшая и единственная награда для дѣтей — ласковый взглядъ, доброе, ласковое слово родителей.

Слѣдовательно, спросятъ насъ, награда должна быть замѣняема похвалою? Да, похвалою, одобреніемъ. За хорошій поступокъ, за добросовѣстное исполненіе долга достаточно похвалить ребенка. Но слѣдуетъ хвалить за дѣло, за то, къ чему приложенъ былъ трудъ ребенка, а не за то, что дано ему самою природою. Можно похвалить ребенка за хорошо усвоенный урокъ, за чистоту и опрятность; но не за способности, не за красоту. Осыпать ребенка похвалами за его таланты къ живописи, къ музыкѣ, къ математикѣ, восхвалять его геніальность, представлять его другимъ, какъ замѣчательнаго поэта, хвалиться его стихами, рисунками,—по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно со стороны родителей. Такія похвалы съ малолѣтства надмеваютъ ребенка, заставляютъ его думать о себѣ высоко; и большею частію, если не всегда, изъ такого чуда ребенка выходитъ въ концѣ концовъ самая жалкая посредственность, неизмѣримо, до смѣшнаго, высоко о себѣ мечтающая. Такую себялюбивую, смѣшную, заносчивую ничтожность воспитываютъ неумѣренныя похвалы. За примѣрами ходить далеко, думаемъ, нечего. Примѣры, къ сожалѣнію, у всѣхъ передъ глазами. Вотъ, напримѣръ, молодой человѣкъ, способный, обладающій даромъ слова, но, къ сожалѣнію, возмнившій о себѣ съ дѣтства, что онъ артистъ, поэтъ, геній. Еще будучи мальчикомъ, онъ пописывалъ стишки, гдѣ воспѣвалъ съ дѣтскимъ увлеченіемъ „царицу души своей“. Любящая и нѣжная мать была въ восторгѣ отъ своего Лели, всѣмъ показывала его стихи, всѣмъ, въ его присутствіи, съ убѣжденіемъ твердила

„у меня Леля—геній“. Сдѣлавшись студентомъ, онъ пристрастился къ театру, вообразилъ, что онъ великій актеръ, что никто въ мірѣ не понималъ еще геніальныхъ драматурговъ такъ, какъ понялъ онъ, и никто не въ состояніи такъ вѣрно передать на сценѣ характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ ихъ произведеній, какъ онъ. Такъ какъ двумъ господамъ въ одно время нельзя служить, то посвятивши себя театральному искусству, нашъ геніальный молодой человѣкъ не могъ въ то же время съ увлеченіемъ служить наукѣ, и потому вышелъ изъ университета не геніально, а какъ самый рядовой, средней руки студентъ. Поступилъ на службу... Но гдѣ же для генія найти служебное положеніе по душѣ? И службу оставилъ... Напечаталъ свои стихотворенія, въ которыхъ по преимуществу воспѣвалъ луну, свидѣтельницу его мечтаній, зефиры, вѣтерки, души его царицъ... но и стихотворенія не только не прославили его, а возбудили лишь смѣхъ. Пробовалъ онъ себя и въ драматическихъ роляхъ, но и на сценѣ онъ оказался такимъ же актеромъ, какимъ вышелъ поэтомъ, словомъ, вышелъ изъ геніальнаго Лели неудачникъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Неумѣстно хвалить ребенка за его прирожденныя способности, за то, въ чемъ нѣтъ ни капли его труда, его заслуги; но еще непростительнѣе расхваливать красоту ребенка. А какъ многіе родители и знакомые и даже незнакомые грѣшны въ такомъ расхваливаніи... „Ахъ, какое прелестное дитя! Какой красавчикъ!“ слышимъ мы нерѣдко при появленіи красиваго ребенка. Эти похвалы чистый ядъ. Слышащій ихъ часто ребенокъ невольно не разъ засматривается въ зеркало, любуясь собою, невольно прихорашивается, начинаетъ особенно заботиться о прическѣ и платьѣ, посматриваетъ, глядитъ ли на него, прислушивается, говорятъ ли о немъ; если видитъ, что шепчутся, воображаетъ, что рѣчь идетъ о немъ, что его хвалятъ. Тля мелкаго себялюбія и тщеславія крѣпко западаетъ въ душу ребенка подъ громомъ похвалъ его красотѣ. Всѣ его вниманіе обращено на наружность, о развитіи душевныхъ

способностей мало заботы, и выйдетъ изъ ребенка—дѣвочки тщеславная, красивая кукла, всѣ мысли которой сосредоточены на вечерахъ, балахъ, театрахъ и нарядахъ, которая окажется дурною женою и матерью; изъ ребенка — мальчика красивый франтъ, пшютикъ, который изощряется въ придумываніи оригинальныхъ разноцвѣтныхъ костюмовъ, чтобы рельефнѣе выставить въ нихъ свою красивую фигуру, который оригинальничаетъ тѣмъ, что появляется на велосипедѣ въ публичныхъ салахъ, стѣснятъ, чуть не давитъ гуляющихъ, желая поразить своей красотою, который отличается предъ „золотою молодежью“, если онъ принадлежитъ къ ней по рожденію и средствамъ, красивыми женщинами, съ которыми онъ показывается всюду.

Хвалить ребенка слѣдуетъ за дѣло, но умѣренно, частая похвала теряетъ свою цѣну и обращается въ захваливанье, которое всегда вредно.

Вредно захваливаніе, портящее и надмевающее ребенка; но не менѣе вредно и чрезмѣрное порицаніе и осужденіе, лишающее ребенка всякой бодрости и энергіи и доводящее его иногда не только до уныніе и отчаянія, но даже и до идіотства. Къ сожалѣнію, въ большихъ семействахъ, гдѣ много дѣтей, не рѣдкость встрѣчать любимыхъ и нелюбимыхъ дѣтей. Любимыя дѣти представляются гостямъ и рекомендуются родителями, какъ умныя, красивыя, талантливыя, даже геніальныя. О нелюбимыхъ или молчатъ, какъ бы игнорируя самое ихъ существованіе, или, что еще печальнѣе, прямо говорятъ о нихъ: „это у насъ глупое, несмысленное дитя, это у насъ дурачекъ, идіотъ“. Какъ тяжело въ большой семьѣ видѣть, что всѣ дѣти какъ дѣти, веселы, ласкаются къ родителямъ, играютъ,— только одинъ ребенокъ прижмется гдѣ нибудь въ уголкѣ тихо, робко, смотритъ какъ-то дико, пугливо, не смѣетъ вмѣшаться въ игры своихъ братьевъ и сестеръ. Точно отверженный,

сидитъ онъ въ одиночествѣ. Спросите такого ребенка: ты хорошее дитя? „Нѣтъ, отвѣтитъ онъ вамъ грустно, я не хорошій, глупый, меня никто не любитъ“. Разъ такой ребенокъ отвѣтилъ намъ даже такъ: „Нѣтъ я скверный... идіотъ, меня никто терпѣть не можетъ“. Конечно, говоря это, ребенокъ не понималъ вполнѣ, что значитъ слово „идіотъ“, но съ тяжелымъ чувствомъ догадывался, что этимъ словомъ выражается нѣчто очень дурное, что это даже хуже, чѣмъ скверный.

Тяжелую отвѣтственность принимаютъ на себя родители, унижая и отталкивая отъ себя такимъ образомъ одного изъ своихъ дѣтей. Сколько оскорбленій приходится вынести, сколько соленыхъ слезъ приходится проглотить преслѣдуемому родителями ребенку! Всѣмъ дѣтямъ въ его глазахъ даются мягкіе сдобные сухари, ему почти бросаютъ, какъ собаченкѣ, кусокъ вчерашняго бѣлаго хлѣба; всѣхъ одѣляютъ новыми дорогими игрушками, ему съ пренебреженіемъ даютъ старую, изломанную кѣмъ нибудь изъ его братьевъ; всѣхъ наряжаютъ, какъ куколокъ, и выводятъ къ гостямъ на поглядѣнье, чтобы похвастаться ими, а онъ, одѣтый незавидно, прячется гдѣ нибудь, чтобы его не замѣтили, чтобы не получить оскорбленія словомъ или пинка. Хорошо еще, если въ семьѣ есть нянька или кто нибудь изъ прислуги, которая пожалѣетъ бѣднаго, обижаемаго всѣми ребенка и приголубитъ его отъ времени до времени; хорошо, когда найдутся постороннія теплыя сердца, которыя откликнутся сочувственно на горе ребенка и постараются облегчить его нравственныя страданія. А то бывали примѣры, что такой забитый ребенокъ доходилъ, дѣйствительно, чуть не до идіотизма. Бывали примѣры, что такой ребенокъ, въ порывѣ отчаянія, покушался на свою жизнь; такъ невыносима была для него эта незаслуженная печать отверженія.

И здѣсь, такъ-же какъ при захваливаніи, важную роль играетъ наружность ребенка. „Это у насъ красавчикъ, умница, а этотъ уродъ, не знаемъ въ кого уродился, идіотъ какой-то“. И бѣдный некрасивый ребенокъ преслѣдуется насмѣшками и язви-

тельными укорами... за то, что при рожденіи не получилъ красиваго лица.

Знали мы и такіе примѣры, что изъ нелюбимаго, отверженнаго родителями ребенка, благодаря счастливой его природѣ, или благодаря тому, что находились чужіе люди, смягчавшіе своею внимательностью тяжелое семейное положеніе ребенка, выходилъ человѣкъ дѣльный, благородный, стойкій; что онъ, при печально измѣнившихся обстоятельствахъ родителей, дѣлался подпорою ихъ старости, ихъ единственною отрадою и утѣшеніемъ, тогда какъ ихъ прежніе любимчики частію довольно равнодушно относились къ ихъ участи, частію, избалованные съ дѣтства, поступали въ разрядъ неудачниковъ. Какое чувство должны были испытывать старики—родители, съ любовью поддерживаемые ихъ прежнимъ отверженцемъ.

Нѣкоторые родители и любятъ своихъ дѣтей, но, подъ вліяніемъ мнѣнія, что ласкать ребенка значитъ портить его, удерживаются отъ показанія дѣтямъ своей любви, надѣвая на себя въ сношеніяхъ съ ними маски строгости и суровости. Ребенокъ видитъ, что родители ласковы и нѣжны другъ съ другомъ, ласковы къ чужимъ дѣтямъ, но къ нему всегда холодны, хотя и доставляютъ все для него нужное, — никогда не прижмутъ его къ своему сердцу, никогда не поцѣлуютъ, только и позволяютъ ему цѣловать свою руку. А между тѣмъ они хвалятъ его, даютъ ему хорошіе подарки, награждаютъ его за прилежаніе книгами и деньгами. Но для ребенка всего этого недостаточно,—холодомъ вѣетъ отъ всѣхъ тѣхъ похвалъ, подарковъ, наградъ. Сердце ребенка требуетъ теплоты, ласки.

Для добраго, хорошаго ребенка дороже всякихъ наградъ и похвалъ ласка родителей, которую онъ цѣнитъ, которую онъ помнитъ всю жизнь, когда эта ласка идетъ отъ чистаго, любящаго сердца. На такую родительскую ласку всегда готово откликнуться чуткое и отзывчивое сердце ребенка. Никакія ласки кормилицы и нянекъ, боннъ и гувернантокъ не могутъ

замѣнить ребенку ласки отца и матери. Лишать ребенка этой ласки, къ которой онъ стремится всѣмъ сердцемъ, болѣе чѣмъ жестоко. А нѣтъ ли отцовъ, которымъ и въ голову не приходитъ приласкать ребенка, которые такую ласку считаютъ излишнею нѣжностію? Нѣтъ ли матерей, которыя, вполнѣ отдавшись свѣтскимъ удовольствіямъ, не находятъ времени приласкать своего ребенка, жаждущаго ласки? Нѣтъ ли отцовъ и матерей, которые и видятъ своего ребенка только тогда, когда его приводятъ къ нимъ наемныя бонны и воспитательницы, чтобы сказать отцу и матери bon jour и bon soir и поцѣловать у нихъ ручку? А ребенку, вмѣсто этого холоднаго привѣтствія, такъ хотѣлось бы кинуться въ объятія отца и матери, приникнуть къ ихъ груди горячей головенкой и получить отъ нихъ сердечный поцѣлуй. Всѣ свои богатыя, разнообразныя игрушки, которыя такъ часто покупаютъ ему родители, видящіе его только по утрамъ и вечерамъ, онъ охотно отдалъ бы за одну теплую родительскую ласку.

VII.

Домашнее ученіе ребенка.

Слушай, сыне, отца твоего наказаніе, да мудръ будеши въ послѣдняя твоя (Кн. Притч. Солом., гл. XIX—20

Обученіе ребенка наглядное и катихизическое, т. е. съ голоса, путемъ разсказовъ, начинается съ того времени, когда у ребенка проявляется первое сознаніе. Въ это время, какъ и вообще въ первые дѣтскіе годы, наглядному обученію весьма способствуетъ пытливость и любознательность ребенка, безпрестанное задаваніе имъ вопросовъ, желаніе узнать, что онъ видитъ, для чего видѣнное существуетъ и т. п. Катихизическое ученіе лучше всего вести по картинамъ, потому что дѣти чрезвычайно любятъ разсматривать картинки. Вспомните какъ охотно маленькая дѣвочка, еще не умѣвшая говорить, разсматривала, подъ руководствомъ матери, Видимый Міръ

знаменитаго педагога славянина Коменскаго. Мать показывала ей картинки и называла изображаемое на нихъ. Ежедневное разсматриваніе книжки Коменскаго привело къ тому, что дѣвочка на вопросы матери: гдѣ лошадь, гдѣ волкъ, гдѣ левъ? безошибочно указывала требуемое, и такимъ образомъ по Видимому Міру малютка ознакомилась съ міромъ животныхъ. Дѣвочку занимала книжка Видимаго Міра, или, вѣрнѣе, картинки книжки, и она сама указывала на нее матери, приглашая ее къ уроку наглядиаго обученія.

Путемъ катихизическимъ дѣти могутъ ознакомиться съ тѣми эпизодами священной исторіи, которые и для дѣтскаго возраста представляютъ интересъ, напримѣръ съ исторіею Іосифа, и изъ исторіи отечественной. Эти разсказы, стихотворенія и устная передача сказокъ и басенъ будутъ развивать дѣтскій умъ, давать направленіе сердцу и волѣ ребенка.

Изъ русской исторіи должны быть передаваемы дитяти такіе разсказы, которые затрогивали бы его сердце, которые могли бы вложить въ душу ребенка зародыши любви къ родинѣ, къ нашей родной свято-русской землѣ, любовь къ Царю, верховному вождю и отцу народа.

Если наука въ высшихъ своихъ областяхъ является какъ бы интернаціональною, космополитическою, то первоначальное обученіе ребенка въ семьѣ должно наоборотъ носить исключительно-національный, патріотическій характеръ. Русская мать должна воспитать русскаго, а не космополита, пристрастнаго ко всему иноземному и все иноземное охотно перенимающаго.

Само собою разумѣется, что первые уроки, полагающіе основаніе всей умственной жизни ребенка, никто не можетъ вести съ большимъ успѣхомъ, какъ любящая мать, такъ какъ эти уроки, какъ и всѣ послѣдующіе дѣтскіе уроки, должны быть ведены вполнѣ воспитывающимъ образомъ, а первая естественная воспитательница ребенка мать. Уже этотъ долгъ, налагаемый на женщину природою, указываетъ, что образованіе женщины должно быть поставлено на твердыхъ нача-

лахъ, ибо только подготовленная образованіемъ мать можетъ быть полезною воспитательницею своего ребенка. Поэтому для правильнаго воспитанія дѣтей низшаго сословія, желательно увеличеніе числа народныхъ школъ, въ которыхъ будущія матери могли бы получать не только образованіе, но и воспитаніе: народная школа должна воспитывать нравственныхъ и религіозныхъ людей по началамъ православной Церкви и русской народности. Желательно, чтобы народныя школы сообщали дѣвочкамъ такія познанія, которыя давали бы возможность прошедшей школу, сдѣлавшись матерію, вести правильно воспитаніе и первоначальное обученіе своего ребенка. Для народныхъ школъ полезно было бы составить книгу для чтенія изъ такихъ стихотвореній и эпизодовъ изъ отечественной исторіи, которые могли бы служить къ воспитанію патріотическаго чувства; въ эту книгу должны войти и разсказы изъ священной исторіи, доступные дѣтямъ,

Много полезнаго и поучительнаго можетъ быть сообщено матерью—воспитательницею въ этихъ наглядныхъ и катихизическихъ бесѣдахъ. Много добрыхъ сѣмянъ можетъ быть посѣяно въ чистой душѣ ребенка.

Развить врожденную ребенку пытливость, обратить ее на полезное и поучительное, изощрить его наблюдательность и вниманіе, которыя такъ необходимы для послѣдующаго ученія и для жизни, размягчить его сердце, укрѣпить и направить его волю, вотъ задачи домашняго воспитанія и обученія, задачи нелегкія, требующія со стороны матери полнаго вниманія, полной сосредоточенности, всецѣлаго посвященія себя своему ребенку. Мать должна помнить, что отъ нея, отъ ея воспитательной дѣятельности зависитъ все будущее ея ребенка. Если она это сознаетъ, пойдутъ ли ей на умъ какія бы ни было развлеченія и удовольствія?

Любитель цвѣтовъ и садовникъ, съ любовію занимающійся своимъ дѣломъ, посадивъ хорошія цвѣточныя сѣмена и получивъ маленькіе ростки, ухаживаетъ за ними со всѣмъ вни-

маніемъ, поливаетъ ихъ бережно, чтобы не залить, чтобы сильною струею воды не искривить нѣжные ростки, потомъ пересаживаетъ каждый ростокъ отдѣльно и за каждымъ ухаживаетъ тщательно, поливаетъ сколько нужно, привязываетъ ихъ къ подпоркамъ, чтобы ростокъ держался прямо, обрѣзываетъ сухіе листки, и такъ изо дня въ день со всею заботливостью лелѣетъ растеніе. И какъ онъ радуется его росту и цвѣтенію, съ какимъ наслажденіемъ вдыхаетъ его ароматъ. Если любитель цвѣтовъ и садовникъ съ такою неутомимою заботливостію ухаживаютъ за цвѣточнымъ растеніемъ и, доводя его до пышнаго цвѣта, съ восторгомъ любуются имъ; то во сколько разъ должны быть сильнѣе заботы матери, ухаживающей за своимъ дорогимъ ребенкомъ, и какой восторгъ объемлетъ ея душу, когда она доведетъ свою радость и отраду до такого состоянія, что можетъ съ сознаніемъ достигнутаго успѣха любоваться не его тѣлесною, увядающею красотою, но его внутреннею, прочною, неувядающею красотой Но чтобы имѣть такое наслажденіе, матери предстоитъ много труда, много думъ и заботъ: требуется всю себя отдать дѣлу выращенія, образованія и воспитанія своего дитяти.

Предварительный курсъ обученія продолжается до самаго приступа къ систематическому обученію. Когда начинать обученіе ребенка чтенію и письму? Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ индивидуальности ребенка. Если ребенокъ здоровый и способный, его можно начинать учить чтенію и письму съ пятилѣтняго возраста, если онъ слабосильный и туго развивается, то слѣдуетъ отложить начало систематическаго ученія до 7-ми и даже до восьми лѣтъ. Начинать учить съ 5-ти лѣтъ можно только тогда, когда ребенокъ самъ напрашивается на ученіе, и вести обученіе нужно такъ, чтобы оно не надоѣдало дитяти, чтобы урокъ прекращаемъ былъ при первомъ проявившемся утомленіи ребенка.

Способъ обученія чтенію и письму предоставляется вполнѣ желанію матери: къ какому способу она привыкла и какой

усвоила, тѣмъ пусть и обучаетъ. Мы лично стоимъ за способъ совмѣстнаго письма-чтенія, при которомъ ребенокъ въ одно время обучается письму и чтенію, читаетъ то, что напишетъ. Но по какому бы способу ни обучали ребенка чтенію, желательно, чтобы при чтеніи ребенокъ читалъ цѣлыя, имѣющія смыслъ слова, а не отдѣльные слоги, чтобы онъ понималъ читаемое, чтобы ему истолковалось каждое прочитанное имъ слово. Это весьма важно для всего послѣдующаго ученія: привыкнувъ на урокахъ чтенія узнавать смыслъ каждаго прочитаннаго имъ слова, онъ впослѣдствіи и при самостоятельномъ чтеніи будетъ останавливаться на каждомъ незнакомомъ ему словѣ и спрашивать его значеніе, т. е. привыкнетъ читать со смысломъ а не заниматься лишь, подобно Петрушкѣ Гоголя, безсмысленнымъ процессомъ чтенія. На сколько это важно, понятно каждому.

При обученіи письму желательно, чтобы буквы давались ребенку для писанія въ генетическомъ порядкѣ: сначала буквы, могущія служить элементами, потомъ постепенное ихъ нарощеніе, н, п, с, о, а, и т. п.

Съ обученіемъ письму и чтенію рядомъ можно вести счетъ, къ которому ребенка слѣдуетъ пріучать еще во время приготовительнаго курса. При обученіи счету впереди должно идти умственное счисленіе. Чѣмъ сильнѣе будетъ ребенокъ въ умственномъ счетѣ, тѣмъ легче впослѣдствіи усвоится имъ письменное счисленіе.

Одновременно съ обученіемъ письму-чтенію и счету происходитъ упражненіе памяти, состоящее въ заучиваніи стихотвореній, доступныхъ дѣтскому возрасту. И тутъ соблюдается то же правило: стихотворенія даются для заучиванія только такія, которыя ребенокъ вполнѣ понимаетъ. Ничего непонятнаго давать ему учить не слѣдуетъ. Выборомъ стихотвореній можно способствовать развитію и укорененію въ ребенкѣ религіознаго и патріотическаго чувства.

Къ молитвамъ, изученнымъ прежде съ голоса, присоединяются въ этотъ періодъ обученія молитвы, прочтенныя и затѣмъ выученныя самимъ ребенкомъ. Молитвы для изученія нужно давать такія, которыя вполнѣ понятны ребенку.

Къ эпизодическимъ разсказамъ изъ священной исторіи и изъ исторіи отечественной, слышаннымъ ребенкомъ отъ матери, прибавляются разсказы, прочитанные имъ самимъ.

И въ этотъ періодъ обученія мать остается единственною учительницею своего дитяти, и въ этотъ періодъ обученія она болѣе всего заботится о развитіи религіознаго и патріотическаго чувства въ своемъ ребенкѣ. Къ развитію религіознаго чувства особенно способствуетъ частое посѣщеніе Церкви Божіей, этой лучшей и благодатной школы, гдѣ чтеніе, молитвы, пѣснопѣнія и обряды,—все наглядно раскрываетъ сущность христіанской религіи и воспитываетъ въ юномъ воспріимчивомъ сердцѣ духъ братства, любви и милосердія. Желательно, чтобы каждый разъ, передъ отправленіемъ съ ребенкомъ въ церковь, мать прочитывала ему евангеліе дня: такимъ образомъ ребенокъ постепенно будетъ знакомиться съ этою божественною, настольною книгою каждаго христіанина, и незамѣтно будетъ впитывать въ себя *„глаголы живота вѣчнаго“*. (Ев. отъ Іоанна, гл. VI—28). Патріотическое чувство на столько должно быть укрѣплено въ ребенкѣ въ этотъ періодъ, чтобы онъ гордился тѣмъ, что онъ русскій. Когда ребенокъ выучится читать, тогда нужно давать ему книги для чтенія съ выборомъ, на что мы уже обратили вниманіе выше. Въ этотъ періодъ обученія, до отдачи въ общественное учебное заведеніе, ребенку слѣдуетъ вложить любовь къ чтенію.

Хорошо было бы обучить его какому нибудь ремеслу, которое служило бы ему отдыхомъ отъ ученія и вмѣстѣ гимнастикою, укрѣпляющею тѣло. Да не подумаютъ, что мы отвергаемъ необходимость отдыха для ребенка. Отдыхъ, состоящій въ прогулкѣ на чистомъ воздухѣ, въ бѣготнѣ, необходимъ для здоровья.

Въ этотъ же періодъ обученія, если родители имѣютъ достаточныя средства, слѣдуетъ учить ребенка одному или двумъ иностраннымъ языкамъ, но начинать это обученіе не ранѣе, какъ ребенокъ усвоитъ себѣ хорошо родной языкъ. Извѣстный педагогъ Коменскій (1592—1671) говоритъ: „сначала пусть учатъ отечественному языку, потомъ языку сосѣдняго народа, а тамъ уже латинскому, греческому, еврейскому, всегда одинъ языкъ за другимъ. Нельзя начинать многіе языки сразу, это путаетъ (das verwirrt)".

Трудно одобрить обычай, по которому ребенокъ, съ самыхъ первыхъ лѣтъ, когда у него только что развязывается языкъ, отдается въ руки бонны-иностранки, и начинаетъ говорить на чужомъ языкѣ, а родной языкъ перенимаетъ только отъ русской прислуги. Это дѣлается, конечно, съ тою цѣлью, чтобы ребенокъ усвоилъ себѣ чистое иностранное произношеніе, которое дается большею частью лишь въ дѣтскіе годы. Но сколькими болѣе существенными интересами дитяти жертвуютъ родители ради усвоенія ихъ ребенкомъ чистаго иностраннаго произношенія. Русскій ребенокъ, окруженный иностранными приставницами и приставниками, отданный на руки иностраннымъ боннамъ, а потомъ гувернанткамъ и гувернерамъ, теряетъ, увы, самое лучшее отличительное свойство свое,—перестаетъ быть русскимъ и обращается въ какого-то космополитическаго уродца, на котораго нерѣдко сами иностранцы смотрятъ съ нескрываемымъ чувствомъ нелестнаго для него удивленія.

Болѣе выдержанными и менѣе вредными въ отношеніи вліянія на дѣтей были нѣмки-гувернантки и нѣмцы гувернеры. Но это было до Седана, до объединенія милаго фатерланда. Послѣ Седана стало не то. Теперь и изъ рукъ нѣмки гувернантки и гувернера нѣмца вышедшій ребенокъ съ восторгомъ толкуетъ о liebes Vaterland, о нашемъ Фрицѣ, Вильгельмѣ, о нашемъ желѣзномъ канцлерѣ и проч. Намъ случилось быть свидѣтелемъ такой сцены на пароходѣ. Мальчикъ 10—11 лѣтъ, отлично, безъ всякаго акцента, говорившій по нѣмецки, велъ

оживленную бесѣду съ двумя Берлинцами, путешествовавшими по Волгѣ. Онъ до того съ увлеченіемъ говорилъ объ общемъ нѣмецкомъ отечествѣ, о Вильгельмѣ и о Бисмаркѣ, что нѣмцы были увѣрены въ его нѣмецкомъ происхожденіи. Но когда на вопросы ихъ: отецъ вашъ—нѣмецъ? Такъ мать нѣмка? Такъ ваши предки нѣмцы? получили отрицательные отвѣты и утвержденіе, что онъ русскій, нѣмцы значительно сжали губы, а по уходѣ мальчика изъ рубки, гдѣ шелъ этотъ разговоръ, замѣтили: Verwünschter Kerl!

Другого мальчика видѣлъ я въ кругу семьи его. Ему было тогда 11 лѣтъ. Онъ былъ живой, впечатлительный, огонь—мальчикъ. Онъ смѣло вмѣшивался въ разговоръ большихъ и все время ораторствовалъ о тори и вигахъ, о парламентѣ, и выгодахъ конституціоннаго правленія. Этотъ мальчикъ выросъ на рукахъ англичанки.

Но болѣе всѣхъ поразителенъ третій примѣръ. Противъ нашего дома жилъ очень почтенный добрякъ полковникъ. Жена его была милая, любезная, свѣтская женщина. Полковникъ былъ занятъ дѣлами службы, полковница—визитами и вліяніями. Сынъ ихъ, тогда мальчикъ лѣтъ 8—9, былъ вполнѣ на рукахъ гувернера—француза, который постоянно выходилъ и выѣзжалъ съ нимъ. Однажды мы встрѣтили, помнится, не вдалекѣ отъ Самары въ общей каютѣ парохода этого гувернера съ своимъ воспитанникомъ, которому уже было тогда лѣтъ 10, и были поражены. Мальчикъ, прекрасно говорившій по-французски, болталъ съ своимъ воспитателемъ очень весело и свободно. Но насъ не только поразило, но прямо глубоко возмутило то, что мальчикъ велъ счетъ годамъ со времени взятія бастиліи и, разыгравшись, запѣлъ марсельзу: „Allons, enfants ce la patrie“ съ шикомъ истаго парижанина.

Неужели ради усвоенія ребенкомъ чистаго французскаго, нѣмецкаго или англійскаго произношенія, вы, родители, не побоитесь нравственной порчи своего дитяти, не побоитесь,

что изъ него можетъ выйти жалкій космополитическій уродецъ, надъ которымъ послѣ будутъ смѣяться сами иностранцы?

Воспитаніе русской дѣвочки космополиткою еще вреднѣе: дѣвочка впослѣдствіи будетъ матерью. Какихъ дѣтей воспитаетъ такая мать.

Учите вашихъ дѣтей иностраннымъ языкамъ, *„въ томъ бо-честь есть отъ иныхъ земель“*, говоритъ завѣщаніе Владиміра Мономаха; но ради Бога, не отдавайте малютокъ въ безконтрольное распоряженіе воспитателей—иностранцевъ, блюдите за дѣтьми неусыпно, чтобы иностранный воспитатель не отбилъ овцы отъ русскаго стада.

По нашему убѣжденію, обученіе родному языку должно идти впереди обученія языкамъ иностраннымъ, должно быть базисомъ всякаго обученія. Иначе иностранные языки будутъ расти безъ корня, и знаніе ихъ будетъ лишь поверхностное, не развивающее. Ребенокъ будетъ болтать на иностранномъ языкѣ бойко, какъ иностранецъ, но твердаго знанія у него не будетъ.

Не можемъ не вспомнить одного случая, могущаго служить подтвержденіемъ нашихъ словъ. Одинъ нашъ хорошій знакомый, говорившій по французски, такъ сказать, съ колыбели, человѣкъ свѣтски образованный, но не прошедшій основательной школы, принялся по пріѣздѣ вмѣстѣ съ нами въ Петербургъ, за чтеніе новаго купленнаго имъ французскаго романа. Такъ какъ словаря у него подъ руками не было, то онъ безпрестанно обращался къ намъ съ вопросомъ, что значитъ такое-то слово. Когда послѣ многихъ такихъ вопросовъ, мы выразили удивленіе, какъ это онъ, такъ свободно говорящій по французски, не обладаетъ достаточнымъ запасомъ словъ, онъ отвѣтилъ съ полною откровенностью: „насъ пріучаютъ съ малолѣтства болтать по французски, и мы болтаемъ какъ попугаи, но твердости и основательности въ нашихъ знаніяхъ нѣтъ ни малѣйшей“. И ради такого то знанія иностранныхъ языковъ отдавать своего ребенка на порчу въ руки иностранцевъ!

Мы выше сказали, что слѣдуетъ учить ребенка одному или двумъ иностраннымъ языкамъ, по нашему мнѣнію, никакъ не болѣе двухъ: изученіе трехъ иностранныхъ языковъ поведетъ только къ большей поверхностности и будетъ путать ребенка. И два языка не легко усвоить русскому мальчику, который обязанъ еще учиться церковно-славянскому языку. По усвоеніи двухъ языковъ, ознакомленіе съ третьимъ и даже съ четвертымъ значительно облегчается. Не можемъ не обратить вниманія на то, что раннее одновременое изученіе нѣсколькихъ языковъ, несомнѣнно, будетъ во вредъ развитію мышленія и сообразительности. Вспомнивъ знаменитаго полиглотта Мецціофанти, который зналъ до 50 языковъ, но за то на столько мало имѣлъ сообразительности, что при такомъ знаніи не могъ дѣлать сравненій, обобщеній и выводовъ. Лучше одинъ, два языка знать основательно, чѣмъ много языковъ, да кое какъ, въ ущербъ развію мыслительной способности.

Въ этотъ же періодъ обученія достаточные родители обыкновенно обучаютъ своихъ дѣтей музыкѣ и пѣнію

Вводить эстетическій элементъ въ воспитаніе дѣтей весьма желательно и полезно; но необходимо сообразоваться со способностями ребенка. Это и соблюдается относительно художественнаго рисованія, которому большею частью обучаютъ только дѣтей, выказавшихъ способность къ рисованію. Но нисколько не принимаютъ во вниманіе способностей ребенка при обученіи пѣнію и особенно музыкѣ. Сколько разъ приходится слышать пискливые до непріятности голоса, распѣвающіе различные романсы. Нерѣдко обучаютъ пѣнію не только не обладающихъ голосовыми средствами, но даже не имѣющихъ слуха. Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что пѣнію обучаютъ дома большею частію дѣвочекъ, такъ какъ это искусство почему-то считаютъ принадлежностью дѣвицъ. Но музыкѣ учатъ и дѣвочекъ и мальчиковъ; весьма часто при отсутствіи слуха ребенка это обученіе является безплодною потерею времени и истиннымъ мученіемъ для дѣтей. А когда

мальчикъ учится въ учебномъ заведеніи, то обученіе музыкѣ производится нерѣдко съ явнымъ ущербомъ для его школьнаго ученія.

Желательно было бы для пользы дѣтей значительное ограниченіе моды на музыку и пѣніе. Слѣдуетъ принять за правило, чтобы какъ художественному рисованію, такъ музыкѣ и пѣнію учить только дѣтей, обнаружившихъ очевидныя способности къ этимъ искусствамъ. Затѣмъ, обученіе искусствамъ, включая сюда и танцы, производить въ свободное отъ учебныхъ занятій время, такъ какъ пріятное не должно имѣть перевѣса надъ полезнымъ.

Домашнее обученіе, какъ мы уже сказали, должно быть проникнуто воспитательнымъ характеромъ. Домашнее обученіе и вмѣстѣ воспитаніе должно по возможности ознакомить ребенка съ Евангеліемъ и вложить въ него, словомъ и примѣромъ родителей, любовь и благоговѣніе къ Евангельскому ученію, ученію любви и милосердія, къ святой нашей православной Церкви, вѣрной хранительницѣ божественнаго ученія Спасителя, должно впитать въ ребенка отличавшую нашихъ предковъ беззавѣтную преданность къ прирожденному самодержавному Царю и ко всему царствующему дому. Оно должно развить, въ мѣрѣ возраста, умъ ребенка, смягчить его сердце, направить къ доброму, честному и нравственному его волю.

XIII.

Отношеніе дома къ школѣ.

Повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покоряйтеся
(Къ Евреямъ, гл. XIII—17).

Съ такимъ хорошимъ задаткомъ смѣло можно отдать мальчика въ школу или въ приготовительный классъ гимназіи. Умѣстнымъ считаемъ заявить здѣсь, что проготовительные

классы при гимназіяхъ мы, на основаніи многолѣтнихъ и тщательныхъ наблюденій, признаемъ за самое полезное учрежденіе, которое и облегчало бѣдныхъ родителей, давая имъ возможность за сравнительно небольшую плату приготовить сына въ гимназію, и доставляло гимназіямъ основательно подготовленныхъ учениковъ, которые своими успѣхами выдѣлялись изъ остальной массы и въ слѣдующихъ гимназическихъ классахъ. Мы знаемъ многихъ учениковъ гимназіи, которые, начавъ съ приготовительнаго класса, съ отличіемъ переходили ежегодно изъ класса въ классъ и вышли изъ гимназіи съ медалями. Въ большинствѣ, поступавшіе въ гимназію изъ домашняго приготовленія значительно уступали въ познаніяхъ и развитіи ученикамъ—приготовительнаго класса. И понятно.—Дома готовятъ нерѣдко учителя или учительницы, неопытные и незнакомые съ методами и пріемами преподаванія въ гимназіяхъ, тогда какъ въ приготовительныхъ классахъ при гимназіи учебное дѣло ведется опытными учителями, подъ руководствомъ и наблюденіемъ гимназическаго начальства, направляющаго учителей, имѣющихъ подъ руками прекрасное собраніе пособій для наглядnаго преподаванія. Кромѣ того, поступившій изъ дома мальчикъ чувствуетъ себя въ гимназіи на первыхъ порахъ весьма стѣсненнымъ, онъ не привыкъ заниматься въ толпѣ, слушать слова и объясненія учителя, обращенныя не къ нему лично, а къ цѣлому классу, его развлекаетъ непривычная обстановка, онъ долго не можетъ сосредоточить своего вниманія на словахъ учителя; ученикъ приготовительнаго класса, переходя въ 1-й гимназическій классъ, является напротивъ вполнѣ подготовленнымъ, привычнымъ къ классной обстановкѣ; онъ внимательно слушаетъ учителя, какъ привыкъ дѣлать это уже въ приготовительномъ классѣ, и скорѣе усваиваетъ объясненія. Поэтому не только для пользы недостаточныхъ родителей и дѣтей, но и для пользы самихъ гимназій желательно, чтобы приготовительные классы были устроены при всѣхъ гимназіяхъ, а также были открыты и при

реальныхъ училищахъ. Повторяемъ, приготовительные класы при гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ—безспорно самый полезный институтъ, и закрытіе ихъ отразится вредно на гимназіяхъ. Убѣдившись на опытѣ въ пользѣ приготовительныхъ классовъ, мы, откровенно сказать, желали бы, чтобы родители не только недостаточные, но и богатые проводили чрезъ эти классы своихъ дѣтей. Родители сами убѣдятся, что ихъ дѣти въ приготовительномъ классѣ пріучаются къ порядку, вниманію, дисциплинѣ, усвоиваютъ себѣ уваженіе къ учебному заведенію, къ начальникамъ и наставникамъ. Это послѣднее качество безусловно необходимо для ученика; но не можемъ не замѣтить, оно рѣдко внѣдряется домашнимъ воспитаніемъ.

Къ прискорбію, между домомъ и школою до сего времени существуетъ нѣкоторый антагонизмъ, болѣе всего вредящій успѣшному ходу классныхъ занятій учениковъ. Къ прискорбію, находятся родители, которые при дѣтяхъ осуждаютъ порядки и ученіе школы, начальниковъ и преподавателей, подрывая въ своихъ дѣтяхъ уваженіе къ школѣ и воспитателямъ. Есть не мало родителей, которые вполнѣ вѣрятъ своимъ дѣтямъ, что бы тѣ ни разсказывали имъ о порядкахъ учебнаго заведенія и преподавателяхъ. Дѣти, любящія развлеченія и пренебрегающія вслѣдствіе этого классными уроками, получая дурныя отмѣтки, свою собственную вину сваливаютъ на учителей, говоря, что они много задаютъ, ничего не объясняютъ, и легковѣрные родители кипятятся, бранятъ учителей при этихъ разсказахъ, доходятъ до того, что жалуются на учителей начальнику учебнаго заведенія, и, не получивъ отъ него желаемаго, обращаются съ жалобами выше,—къ попечителю округа, даже къ министру, возводя въ своихъ жалобахъ обвиненія на учителей и начальство. Учителей обвиняютъ въ незнаніи предмета, въ небрежности, въ нехожденіи въ классъ, въ жестокости и несправедливости къ ученикамъ, а начальниковъ въ потвор-

ствѣ учителямъ, въ притѣсненіяхъ учениковъ богатыхъ и дворянъ (если жалуется богатый родитель и дворянинъ), или бѣдныхъ (если жалуется бѣдный), возводя на нихъ иногда даже обвиненія во взяткахъ.

Сколько остротъ распускается о начальствѣ и наставникахъ учебныхъ заведеній, сколько жалобъ по истинѣ возмутительно-несправедливыхъ поступаетъ къ высшему начальству отъ родителей, излишне, неразумно довѣряющихъ своимъ дѣтямъ.

Сколько чрезъ это доставляется воспитателямъ заботъ, огорченій, непріятностей. А сколько и безъ этихъ жалобъ труда тяжелаго предстоитъ имъ. Справедливо выраженіе, употребляемое однимъ заслуженнымъ учителемъ: „горекъ хлѣбъ учителя“.

Когда то установится желанное и столь необходимое для блага учащихся и воспитывающихся согласіе между домомъ и школою? Когда то родители сознаютъ, что дѣйствительно горекъ хлѣбъ учителя, что много труда и заботъ полагается учащими и воспитывающими для обученія учащихся и что долгъ родителей всячески содѣйствовать успѣху обученія, а содѣйствовать они могутъ воспитаніемъ и постояннымъ укрѣпленіемъ въ дѣтяхъ уваженія къ начальникамъ и преподавателямъ учебнаго заведенія.

Замѣчательно, что даже народы, переживающіе дѣтскій возрастъ, съ особеннымъ уваженіемъ относятся къ учителямъ и воспитателямъ. По китайскимъ правиламъ, „всю жизнь должно почитать, какъ отца, воспитателя, который усыновилъ ребенка. Когда ученикъ сопровождаетъ учителя, онъ не долженъ оставлять его, чтобы поговорить съ кѣмъ нибудь. Онъ не долженъ идти по его слѣдамъ, но нѣсколько вправо. Если учитель облокотится на плечо ученика, чтобы сказать ему что нибудь на ухо, ученикъ долженъ закрыть ротъ рукою, чтобы не безпокоить учителя своимъ дыханіемъ. Онъ никогда не долженъ прерывать рѣчь учителя“. По вѣрованію индусовъ,

„кто порицаетъ своего учителя, даже если бы тотъ въ чемъ и ошибся, душа того войдетъ, послѣ его смерти, въ тѣло осла; если же онъ порицаетъ напрасно, то сдѣлается собакою. Если кто воспользуется чѣмъ нибудь принадлежащимъ учителю безъ позволенія послѣдняго, то душа его войдетъ въ тѣло червячка. Если наконецъ позавидуетъ заслугамъ учителя, то превратиться въ огромнаго червя. Кто постоянно почитаетъ своего учителя, тотъ пріобрѣтаетъ небесный міръ Брамы". „Молодой человѣкъ долженъ уважать своего учителя, какъ самого Будду: онъ не долженъ противорѣчить ему, если бы даже тотъ говорилъ и неправду; не долженъ говорить объ его ошибкахъ; не долженъ входить къ нему, когда его двери притворены,—ударяетъ три раза въ дверь, и если ему не отворятъ, долженъ удалиться. Когда учитель всходитъ на гору, онъ долженъ нести за нимъ кресло, чтобы тотъ могъ отдохнуть" и пр. У персовъ ученикъ обязанъ былъ почитать учителя болѣе, чѣмъ родителей, такъ какъ учитель заботится о воспитаніи души, самой благородной части человѣка.

Оставляя въ сторонѣ оригинальность процитированныхъ правилъ, объясняемую младенческимъ возрастомъ народа, мы не можемъ не обратить вниманія на достойную подражанія сущность дѣла,— на почтительность къ учителямъ и воспитателямъ, которая, къ сожалѣнію, въ настоящее время такъ упала, что осталась лишь въ преданіи, между тѣмъ она желательна и необходима какъ для учениковъ, такъ и для учителей. Ученики, сохраняющіе почтеніе къ наставникамъ, будутъ внимательно слушать уроки и наставленія учителя и воспитателя, и слѣдовательно, каждое слово учителя и воспитателя будетъ приносить пользу ученикамъ; учителя и воспитатели съ удвоенною энергіею и усердіемъ будутъ исполнять свои важныя и святыя обязанности, видя уваженіе и внимательность къ нимъ въ своихъ ученикахъ.

Въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, отношенія дома и школы должны быть такія же, какія между матерью и отцемъ. Какъ

мать и отецъ, при воспитаніи своего ребенка, должны быть единомысленны и согласны, такъ же должны быть единомысленны и согласны домъ и школа. Какъ въ распоряженіяхъ матери и отца отнюдь не должно быть противорѣчій въ отношеніи къ веденію ребенка, и если бы мать была и недовольна какимъ либо распоряженіемъ отца, она никакъ не должна выказывать своего недовольства передъ ребенкомъ, или, что еще хуже, отмѣнять распоряженіе отца, то же долженъ дѣлать въ свою очередь и отецъ; точно также не должно быть противорѣчій между домомъ и школой; родители отнюдь не должны, въ присутствіи своего сына или дочери, учащихся въ школѣ, высказывать недовольство или осужденіе относительно распоряженій начальства, распорядковъ школы, а тѣмъ менѣе дозволять сыну или дочери неисполненіе заданныхъ уроковъ или нарушеніе учащимся правилъ школы. Само собою разумѣется, что школа съ своей стороны обязана бдительно наблюдать, чтобы уроки были задаваемы по силамъ и возрасту учениковъ, и чтобы правила школы не выходили во всѣ подробности домашняго, внутренняго быта учениковъ, не старались урегулировать каждый ихъ шагъ даже въ семейной жизни. Правила школы должны быть не многословны, но опредѣленны, и каждое требованіе школы должно быть соблюдаемо учениками.

Въ дѣлѣ воспитанія мелочей нѣтъ: изъ массы мелочей можетъ составиться весьма крупное изуродованіе молодаго поколѣнія. Отъ малой искры домъ загорается, пламя съ быстротой перебѣгаетъ изъ дома къ дому, и цѣлое селеніе, порой цѣлый городъ дѣлается жертвою огня. Такъ и въ воспитаніи. Начинается дѣло съ малаго, съ несоблюденія, напримѣръ, формы: сначала при гимназическомъ сюртукѣ надѣвается расшитая рубашка поверхъ панталонъ, потомъ снимается сюртукъ, остается узорчатая рубашка, на которую накидывается форменное пальто, производится такимъ образомъ смѣшеніе формы, потомъ форма совершенно устраняется внѣ гимназіи, ученикъ одѣвается пшютикомъ, приподнимаетъ плечи сосред-

ствомъ особенной накладки на нихъ и пріударяетъ за барышнями. Конечно, при этомъ и ученье, подобно формѣ, устраняется: шпютику учиться некогда. У него и безъ того много дѣла: посѣщеніе гуляній, вечеровъ, театра,, собираніе подписокъ на букеты актрисамъ, визиты имъ, хожденіе въ рестораны, игра въ карты, кутежи съ пріятелями. И образуется молодой человѣкъ, что называется, „завей горе въ тряпочку“, готовый на все мелкое, дурное. Для него законъ не писанъ: онъ самъ себѣ законъ.

Желательно ли воспитаніе такихъ прожигателей жизни? А такіе субъекты воспитывается потворствомъ родителей, смотрѣніемъ сквозь пальцы на несоблюденіе ихъ учащимися сыновьями правилъ учебнаго заведенія, на открытое выраженіе ими пренебреженія къ урокамъ и совѣтамъ воспитателей.

Знали мы одну семью, состоявшую изъ отца, матери, дочерей и двухъ сыновей, отецъ былъ ученый человѣкъ, большой начитанности, трудолюбивый и энергичный; мать прекрасная хозяйка, и оба, отецъ и мать, любили общество. Еженедѣльно у нихъ собирались гости и устраивались танцовальные вечера, а повременамъ и домашніе театры. Сыновья были очень способные, отецъ самъ занимался съ ними усердно и помогалъ имъ, если они въ чемъ затруднялись. Казалось бы, изъ нихъ должны были выйти весьма дѣльные люди. Но, къ сожалѣнію, отецъ, при всемъ своемъ умѣ и учености, былъ слабымъ отцомъ, онъ давалъ полную свободу дѣтямъ, вполнѣ вѣрилъ всѣмъ ихъ розсказнямъ на счетъ начальства и учителей того учебнаго заведенія, въ которомъ они учились, и на основаніи словъ сыновей, возмущался незнаніемъ и неумѣніемъ преподавателей, и пристрастнымъ, несправедливымъ отношеніемъ начальства къ его сыновьямъ; вездѣ горячо кричалъ онъ про дурное состояніе учебнаго заведенія. Старшій его сынъ сдѣлалъ дерзость инспектору,—отца попросили взять сына изъ гимназіи. Гнѣву отца не было границъ. Никогда онъ не могъ простить этой оказанной сыну „несправедливости“. Онъ взялъ

изъ учебнаго заведенія не только старшаго, но и младшаго сына. Перваго отправилъ учиться за-границу, а второго отдалъ въ другое учебное заведеніе. Но и тамъ и „учителя были дурны“, и „начальство никуда не годилось“. Послалъ онъ его въ учебное заведеніе другого города, гдѣ служилъ учителемъ его родственникъ. Но и тамъ избалованный домашней средой, привыкшій къ вечерамъ и театрамъ и послѣднее время сильно ухаживавшій за одною изъ актрисъ, юноша не долго пробылъ. Скоро онъ сдѣлалъ тамъ дерзость, и ему дали consilium abeundi. Тогда и отецъ потерялъ терпѣніе,—онъ пригрозилъ ему не признавать его сыномъ, пока онъ не выдержитъ испытанія зрѣлости. Способный юноша отбывалъ воинскую повинность и готовился къ экзамену, запивая горе разлуки съ семьей зеленымъ виномъ. Экзаменъ онъ выдержалъ, поступилъ въ студенты, но продолжалъ все-таки разгульную жизнь. И дошелъ до того, что былъ исключенъ изъ университета за воровство. Печальный, потрясающій примѣръ. Уважай отецъ школу, какъ слѣдуетъ, не потворствуй сыновьямъ, они, при ихъ даровитости, вышли бы весьма полезными дѣятелями.

При существованіи такихъ родителей, не умѣющихъ и не могущихъ воспитывать своихъ дѣтей, нельзя не пожалѣть, что закрыты дворянскіе пансіоны при гимназіяхъ. Въ нихъ находили правильное воспитаніе какъ дѣти родителей, живущихъ не въ томъ городѣ, гдѣ есть гимназія, такъ и дѣти родителей, которые, по слабости и неумѣнію, не въ состояніи воспитывать дома своихъ дѣтей съ пользою. Когда существовали пансіоны, родители, сознающіе свою слабость и потворство къ дѣтямъ, отдавали ихъ для воспитанія въ пансіонъ. Мы знали одного отца: онъ страстно любилъ своего единственнаго сына, который былъ его радостію и утѣшеніемъ, такъ какъ напоминалъ ему любимую жену, которую онъ рано потерялъ. Отецъ самъ жилъ въ городѣ, гдѣ была гимназія съ дворянскимъ пансіономъ, былъ губернскимъ предводителемъ дворянства и по своему положенію, и по средствамъ имѣлъ возможность взять

для воспитанія сына гуверперовъ и учителей, но, чувствуя, что онъ любитъ сына до слабости, до исполненія всѣхъ его прихотей, и видя, что его Коля дѣлается необузданнымъ мальчикомъ, съ которымъ ладу нѣтъ, онъ обратился къ директору гимназіи: „возьмите, ради Бога, моего Колю въ пансіонъ, онъ у меня совсѣмъ избалуется“, Колю приняли въ пансіонъ, сначала онъ попробовалъ предаться своимъ необузданнымъ шалостямъ, но, встрѣтивъ твердый отпоръ своему своеволію, постепенно пріучался къ послушанію, сталъ учиться, и изъ него вышелъ прекрасный юноша, всегда съ особенную благодарностію и уваженіемъ относившійся къ отцу именно за то, что не смотря на горячую любовь къ сыну, отецъ имѣлъ мужество помѣстить его въ гимназическій пансіонъ. Считаемъ умѣстнымъ при этомъ заявить, что мы рѣшительно противъ того, къ сожалѣнію, сильно распространеннаго мнѣнія (не говоримъ убѣжденія, потому что убѣжденіе всегда сознательно и основывается на фактахъ, строго провѣренныхъ), будто пансіоны и институты лишь необходимое зло. Мы напротивъ признаемъ пансіоны и институты необходимымъ добромъ, приносившимъ пользу и дѣтямъ и родителямъ. И многіе, теперь уже старики, полагаемъ, не безъ удовольствія и съ глубокою благодарностію вспоминаютъ о томъ времени, когда они жили въ благородныхъ пансіонахъ среди веселаго, оживленнаго круга товарищей, въ особенности, если начальство съ любовію занималась воспитаніемъ дѣтей, ввѣренныхъ его попеченію и руководству. Благо было бы, если бы пансіоны снова устроились при мужскихъ гимназіяхъ, благо было бы, если бы интернаты открылись и при реальныхъ училищахъ; съ сердечною благодарностію, мы увѣрены, встрѣтили бы ихъ открытіе многіе родители.

Ученіе и воспитаніе дѣтей, обучающихся въ учебныхъ заведеніяхъ, можетъ идти правильно, цѣлесообразно и съ полнымъ успѣхомъ только при условіи, когда родители уважаютъ

порядки и правила школы, внушаютъ дѣтямъ своимъ полное уваженіе къ требованіямъ учебнаго заведенія, къ начальству и наставникамъ, наблюдаютъ за занятіемъ и поведеніемъ дѣтей, не допускаютъ развлеченій, могущихъ повредить ихъ учебнымъ занятіямъ, какъ то: частаго выѣзда въ гости, на вечера, посѣщеніе театра и т. п., словомъ всего, что можетъ вредить сосредоточенности вниманія дѣтей на ученіи. О посѣщеніи цирка мы и не упоминаемъ: циркъ—не для дѣтей,—ихъ нервы недостаточно крѣпки и для такихъ зрѣлищъ, а закалять дѣтскіе нервы до такой степени, чтобы дѣти не только равнодушно выносили сильныя ощущенія, циркомъ доставляемыя, но и находили въ нихъ удовольствіе, едва-ли желательно.

Время пребыванія въ учебномъ заведеніи должно быть всецѣло посвящено ученію, для развлеченій будетъ довольно времени и послѣ; раннія развлеченія и удовольствія и отвлекаютъ отъ ученія, и ведутъ лишь къ преждевременному пресыщенію.

Дѣтей, учащихся въ учебномъ заведеніи, слѣдуетъ пріучать къ самостоятельнымъ занятіямъ, не держать ихъ постоянно на помочахъ, приглашая для приготовленія ихъ домашнихъ учителей и репетиторовъ. Обращаемъ на то особенное вниманіе родителей, такъ какъ обычай приглашать репетиторовъ сильно распространенъ, а это обычай положительно вредный, потому что воспитываетъ въ дѣтяхъ апатію и лѣность; въ надеждѣ на помощь репетитора и способный мальчикъ нерѣдко проводитъ время въ бездѣятельности и праздности. По нашему мнѣнію, домашняя помощь для ученика школы потребна только вначалѣ, въ приготовительномъ и пожалуй въ первомъ классѣ, и помощь, по преимуществу состоящая въ пріученіи учащагося къ основательному приготовленію каждаго задаваемаго урока, какъ устнаго, такъ и письменнаго. Привыкнувъ къ основательному приготовленію вначалѣ, ученикъ легко сохранитъ эту добрую привычку и во все время ученія, если родители не будутъ упускать его изъ виду, будутъ постоянно слѣдить, чтобы онъ учился сообразно своимъ способностямъ.

Обращаемъ также вниманіе родителей на укоренившуюся и очень распространенную страсть къ куренію, съ которою учебнымъ заведеніямъ приходится вести борьбу, нерѣдко, къ сожалѣнію, безплодную. Въ послѣднее время взглядъ на вредъ куренія табаку установленъ достаточно учеными врачами; и родители положительно обязаны всѣми мѣрами отвлекать дѣтей отъ куренія. Лучшая и болѣе дѣйствительная мѣра безспорно состоитъ въ томъ, чтобы родители сами не курили. Дѣти, какъ извѣстно, очень любятъ подражать старшимъ и разыгрывать роль большихъ; а такъ какъ большіе, видятъ они, курятъ, то какъ же и дѣтямъ не курить. Замѣчено, что въ семьѣ, гдѣ никто не куритъ, и дѣти не курятъ. И такъ для того, чтобы дѣти и не начинали пробовать курить, родителямъ слѣдуетъ, если они курятъ, переломить себя и перестать курить. Это, повѣрьте, очень возможно, мы на себѣ испытали, нужно только небольшое усиліе воли. А сдѣлать такое усиліе вполнѣ стоитъ и для блага дѣтей, и для блага самихъ родителей, которые безцѣльною привычкою куренія вредятъ своему здоровью.

Не можемъ не привести при этомъ разумныхъ словъ раскольничьяго попа, слышанныхъ нами въ одну изъ поѣздокъ по Волгѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда пароходъ нашъ бѣжалъ мимо Жигулевскихъ живописныхъ горъ, окаймляющихъ луку рѣки Волги. На вопросъ курящаго господина: неужели вы, человѣкъ умный и начитанный, тоже считаете табакъ бѣсовскимъ зельемъ и потому не курите? раскольничій попъ отвѣтилъ: „Напрасно вы думаете что всѣ раскольники не курятъ потому, что почитаютъ табакъ бѣсовскимъ зельемъ. Такого мнѣнія держатся только менѣе развитые. А остальные не курятъ потому, во-первыхъ, что не чувствуютъ и потребности курить, съ дѣтства привыкнувъ видѣть, что ни родители, ни знакомые не курятъ, потому во-вторыхъ, что сознаютъ, что куреніе—лишь пустая привычка, ведущая къ безцѣльной потерѣ времени и къ непроизводительной тратѣ денегъ; въ третьихъ, потому, что считаютъ грѣхомъ заражать тлетворнымъ ку-

ревомъ тотъ чистый, прекрасный воздухъ, который данъ намъ Создателемъ. Посмотрите, какъ все прекрасно вокругъ насъ, какое благоуханіе отовсюду, а вы не слышите этого благовонія, когда курите. Стоитъ ли изъ—за табаку лишать себя удовольствія наслаждаться свѣжимъ, чистымъ, благоухающимъ воздухомъ, которымъ такъ пріятно дышать?"

Не можемъ не сказать здѣсь и о томъ чисто бѣсовскомъ, огненномъ, какъ охарактеризовали его дикари, напиткѣ,—водкѣ, которая отравляетъ милліоны, лишая ихъ и здоровья, и ума, и воли, и подрывая благосостояніе не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ. Не можемъ не сказать потому, что пьянство, къ прискорбію, не рѣдко, особенно между учащимися высшихъ учебныхъ заведеній. Нельзя не указать, что страсть къ спиртнымъ напиткамъ зараждается часто еще въ домашней средѣ.

Вредъ водки каждый знаетъ и видитъ, а между тѣмъ находятся родители, которые даютъ своимъ дѣтямъ крѣпкое виноградное вино, наливку и даже просто водку „для здоровья", какъ они говорятъ, и мало по малу пріучаютъ ихъ къ этому огненному напитку. Мы не удивляемся, что пьющіе запоемъ, въ то время, когда они пьютъ, потчуютъ водкой и дѣтей своихъ, даже силой заставляютъ пить: они въ водкѣ видятъ высшее наслажденіе, они „безъ водки не могутъ дышать", какъ мы безъ воздуха, и желаютъ, чтобы и дѣти ихъ приняли участіе въ ихъ упоеніи. Но нельзя не подивиться, какъ родители пьющіе, „какъ и всѣ", даютъ иногда водки ребенку, сначала по глотку, потомъ по рюмочкѣ и наконецъ по рюмкѣ „здоровья ради", для укрѣпленія силъ и аппетита, тогда какъ теперь уже признано, что водка нисколько не служитъ ни къ укрѣпленію силъ, ни къ увеличенію аппетита. Выпиваніе передъ закуской водки такая же безцѣльная пустая привычка, какъ и куреніе. Не пріучать къ водкѣ, а всѣми силами внушать отвращеніе къ ней въ дѣтяхъ обязаны родители. И въ этомъ случаѣ лучшая мѣра—примѣръ родителей.

Если въ семействѣ нѣтъ большихъ, пьющихъ водку, то и дѣти не пьютъ, и мысли у нихъ нѣтъ о томъ, что нужно или можно пить [1]).

Родители поистинѣ ковачи счастія дѣтей. По ихъ слѣдамъ идутъ дѣти, и горе родителямъ, которые подаютъ дѣтямъ дурные примѣры и тѣмъ зарождаютъ и укрѣпляютъ въ нихъ дурныя привычки. а укоренившаяся привычка дѣлается впослѣдствіи второю природою. А много ли семействъ, въ которыхъ дѣтямъ нѣтъ соблазна?

Типъ учебнаго заведенія создается вѣками, учебная система, порядки и правила учебныхъ заведеній—плодъ долгихъ думъ и многолѣтнихъ опытовъ. Изъ результатовъ этихъ опытовъ составилась цѣлая наука педагогика, по указаніямъ которой устраиваются и дѣйствуютъ учебныя заведенія. Поэтому правильно поставленная школа (учебное заведеніе) представляетъ болѣе обдуманную и стройную организацію, чѣмъ семья, слагающаяся изъ случайныхъ элементовъ и дѣйствующая большею частію не строго систематически, а по субъективнымъ понятіямъ и привычкамъ главы семьи. Понятно, гдѣ скорѣе могутъ проявляться ошибки и уклоненія отъ истиннаго пути воспитанія. Понятно, что скорѣе семья должна внимательно прислушиваться къ требованіямъ и совѣтамъ школы, чѣмъ наоборотъ: требованія школы болѣе разумны, хотя и кажутся иногда педантичными и формалистическими, особенно людямъ, никогда не думавшимъ и не привыкшимъ думать о вопросахъ воспитанія.

„Мы знаемъ лучше, что нужно нашимъ дѣтями“, часто

---

[1]) Не можемъ не указать на лекцію профессора физіологической химіи въ Базельскомъ университетѣ Бунге: «Алкоголизмъ». Авторъ стоитъ за постепенное и полное запрещеніе алкоголизма. «Алкоголь, говоритъ Бунге, ослабляетъ умственныя способности человѣка, дѣлаетъ его равнодушнымъ къ болѣе высокимъ наслажденіямъ жизни; въ концѣ концовъ онъ доводитъ его до скотскаго состоянія. Алкоголь, заглушая нравственный идеалъ, становится самымъ важнымъ препятствіемъ къ прогрессу человѣчества».

слышится отъ родителей, недовольныхъ порядками учебнаго заведенія. Такъ ли это?

Тяжелый жизненный опытъ, масса неудачниковъ, вышедшихъ такими по винѣ семьи, даетъ намъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Мы не знаемъ, что нужно нашимъ дѣтямъ, слѣдовало бы сказать по совѣсти, и потому полагаемся на мнѣніе людей компетентныхъ въ дѣлѣ воспитанія, внимательно прислушиваемся къ требованіямъ школы и стараемся исполнять ихъ по мѣрѣ силъ. Благо было бы и для семьи, и для школы, а главное для дѣтей, обучающихся въ школѣ, если бы родители пришли къ такому убѣжденію, и если бы они пріучали дѣтей въ точности исполнять всѣ требованія школы, въ чемъ бы они ни состояли, хоть бы въ такихъ, какъ выражаются родители, „мелочахъ“, какъ ношеніе ранцевъ, непремѣнно на спинѣ, съ перваго класса до послѣдняго, или недозволеніе надѣвать подъ гимназическій мундиръ красныхъ и иныхъ разноцвѣтныхъ, вышитыхъ даже любящею рукою матери и сестры рубахъ. Для ученика каждое требованіе школы должно быть закономъ, вотъ что обязаны внушать родители дѣтямъ. Навыкнувъ въ точности исполнять законы школы, прошедшій школу ученикъ будетъ столь же точно исполнять и законы государственные.

Всмотритесь въ правила учебныхъ заведеній, вы увидите, что здѣсь на все необходимое и существенное обращено вниманіе: и на религіозную сторону,—требуется, чтобы ученики въ праздничные дни посѣщали богослуженіе, чтобы ежегодно были у исповѣди и святаго причастія;—и на нравственную,—указывается, чтобы они вели себя прилично, оказывали уваженіе начальствующимъ и наставникамъ, не посѣщали такихъ мѣстъ, гдѣ нравственности ихъ можетъ угрожать соблазнъ; и на умственную,—подробно обозначено, какъ они должны заниматься; и на гигіеническую,—даются совѣты для сохраненія здоровья. Въ этихъ правилахъ (говоримъ о правилахъ

для учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ), между прочимъ дозволяется посѣщеніе театровъ не иначе, какъ съ разрѣшенія инспектора. Понятно, съ какою цѣлію внесено такое правило,—инспекторъ не пуститъ въ театръ ученика на не нравственную пьесу, не пуститъ конечно и плохо успѣвающаго.

Мы лично противъ посѣщенія театра учениками низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. По нашему мнѣнію, театръ слишкомъ развлекаетъ и увлекаетъ молодые умы, и въ ученическіе годы не можетъ имѣть полезнаго, развивающаго значенія, такъ какъ для этого требуется болѣе умственнаго развитія. Посѣщеніе театра лучше бы начинать по окончаніи курса гимназій и реальныхъ училищъ. Тогда посѣщеніе театральныхъ представленій не только не вредно, но и полезно: болѣе развитый умъ можетъ правильнѣе дѣлать оцѣнку сценическихъ представленій и конечно будетъ выбирать лучшее. Не съ дѣтскимъ увлеченіемъ, но съ критическимъ взглядомъ будетъ смотрѣть на сцѣну молодой человѣкъ, прошедшій не легкій курсъ классической гимназіи и реальнаго училища.

Гимназическія правила соблюдаютъ осторожность и въ выборѣ квартиръ для учениковъ, живущихъ не у родителей, дозволяя учащимся жить только на тѣхъ квартирахъ, содержатели которыхъ извѣстны начальству. Это весьма благоразумное правило, указывающее на необходимость осторожности и со стороны родителей относительно выбора знакомствъ ихъ сыновьями. Мы не можемъ не обратить вниманія на то, что лучше всего, если дѣти живутъ болѣе въ семьѣ и выходятъ только вмѣстѣ съ родителями. Отдѣльныхъ знакомствъ ученикамъ имѣть не слѣдуетъ, чтобы не попасть въ дурную среду, чтобы не запутаться въ крѣпкихъ тенетахъ, которыя въ настоящее время разбрасываются всюду злоумышленными людьми и въ которыя особенно уловляются еще не крѣпкіе умомъ и развитіемъ, не богатые опытностью юноши. Въ настоящее время, больше чѣмъ когда-нибудь, родители должны

зорко блюсти за знакомствами своихъ дѣтей, чтобы въ число ихъ знакомыхъ не попали волки въ овечьей шкурѣ, столь опасные для молодыхъ незрѣлыхъ умовъ проповѣдники политической крамолы, прикрывающіе свои преступныя цѣли привлекательными и сладкими рѣчами объ общемъ благѣ и счастіи народа.

Не можемъ безъ ужаса вспомнить о несчастной судьбѣ одного юноши, котораго мы видѣли въ его дѣтскіе и отроческіе годы въ кругу семьи, окруженнаго любовью и лаской. Отецъ его былъ истинно-русскій, религіозный, честный, солиднаго образованія человѣкъ, оставившій, послѣ своей смерти, самыя теплыя воспоминанія о себѣ въ обществѣ, въ своихъ сослуживцахъ и подчиненныхъ. Любилъ онъ своего старшаго сына Сашу самою нѣжною любовью и возлагалъ на него большія надежды. И дѣйствительно, при жизни отца, подъ его личнымъ благотворнымъ вліяніемъ, Саша отлично учился въ гимназіи и окончилъ курсъ съ золотою медалью. Отецъ скончался, и сынъ, по окончаніи курса гимназіи, поступилъ въ столичный университетъ; и тамъ, будучи уже на 4 курсѣ, опозорилъ себя и семью и честное имя отца—умеръ смертію тяжкаго государственнаго преступника. Прочитавши его имя въ числѣ осужденныхъ къ смертной казни, мы отъ души порадовались, что его благородный отецъ не дожилъ до такого ужаса и умеръ съ надеждою, что его Саша выйдетъ честнымъ и полезнымъ дѣятелемъ. Какъ же отъ такого благороднаго дерева произошелъ такой дурной отпрыскъ? Мы имѣемъ основаніе полагать, что произошло это бѣдствіе отъ дурнаго знакомства съ людьми, растлившими юношу и направившими его на путь преступленія...

Вотъ такихъ то знакомствъ и сближеній должны бояться и всячески избѣгать родители для своихъ дѣтей: эти знакомства особенно опасны въ юношескую пору, въ пору студенчества. Поэтому то и желательно, чтобы родители могли быть со своими сыновьями въ эту самую опасную пору, въ которую мо-

лодые люди легко могутъ попасть въ тенета, разставляемыя искусною рукою, легко могутъ пойти по такой дорогѣ, которой и врагу никто не пожелаетъ. Само собою разумѣется, что далеко не всѣ родители въ состояніи быть при своихъ дѣтяхъ во время прохожденія ими университетскаго курса, особенно не въ силахъ сдѣлать этого недостаточные родители, живущіе не въ университетскомъ городѣ. Для сыновей такихъ родителей великимъ благомъ и спасеніемъ служили бы прежніе такъ называемые казенные номера, т. е. конвикты казеннокоштныхъ студентовъ, гдѣ студенты были всѣмъ необходимымъ обезпечены, и чрезъ то получали полную возможность заниматься наукою, и гдѣ за ними былъ благоразумный, не слишкомъ ихъ стѣснявшій надзоръ начальства. Въ настоящее время, къ сожалѣнію, казенные номера уничтожены, казеннокоштные студенты переименованы въ казенныхъ стипендіатовъ, и имъ выдаются стипендіи на руки, а сами они предоставлены самимъ себѣ! Много бѣдъ надѣлало закрытіе казенныхъ студенческихъ номеровъ.

Благо тѣмъ родителямъ, которые воспитаютъ своихъ дѣтей въ духѣ православія и народности, вложатъ въ нихъ любовь къ Евангельскому слову, къ чтенію Евангелія. Съ теплою вѣрою въ сердцѣ, съ Евангеліемъ, сдѣлавшимся достояніемъ и неизмѣннымъ спутникомъ и руководителемъ жизни, прошедшій такую воспитательную школу будетъ и благочестивымъ сыномъ Церкви православной, и преданнымъ Царю и отечеству, честнымъ, дѣятельнымъ гражданиномъ, и любящимъ семьянином, заботливо пекущимся о христіанскомъ воспитаніи своихъ дѣтей.